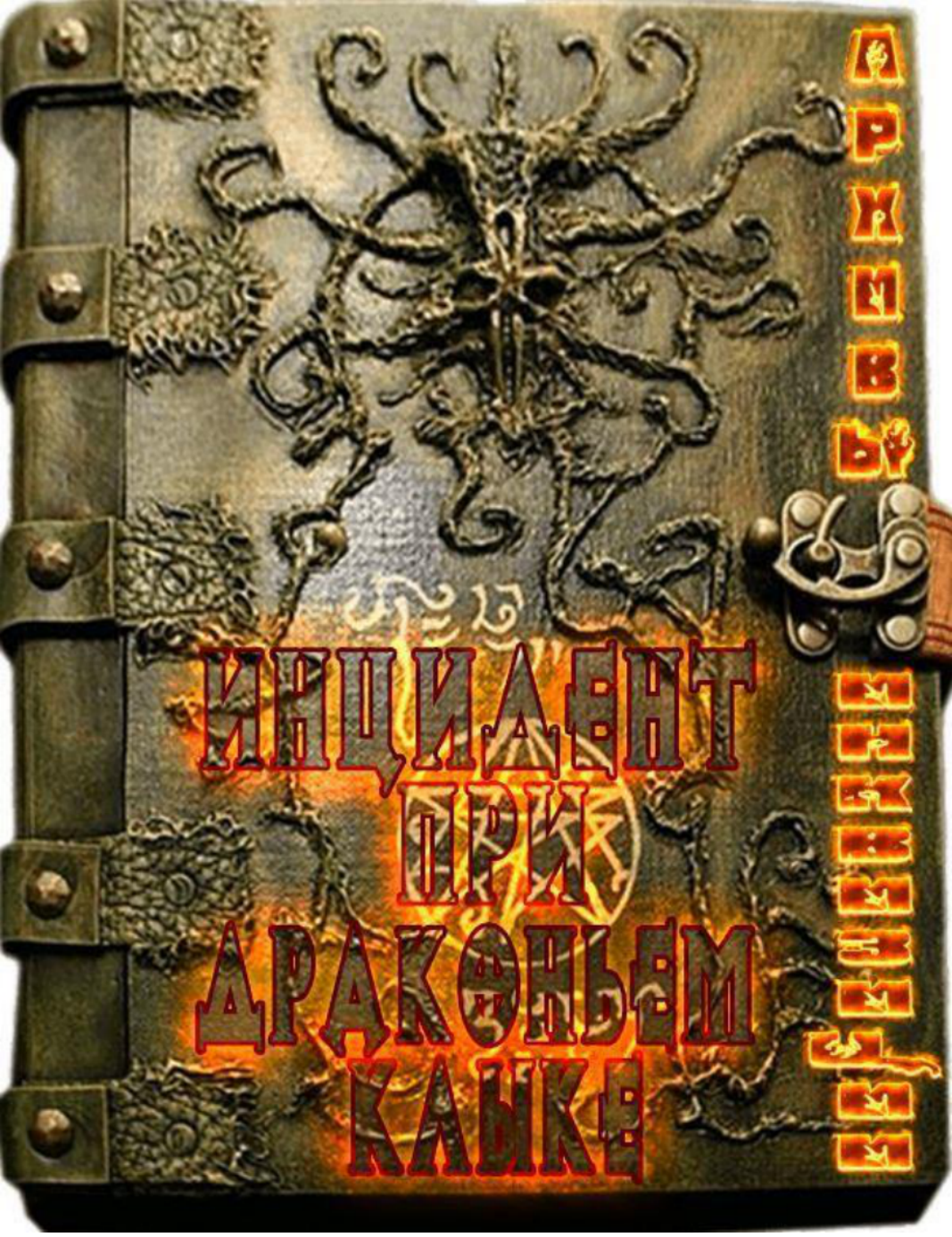
ВЕЛИКИЕ АРХИВЫ
ИНЦИДЕНТ ПРИ ДРАКОНЬЕМ КАЙКЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Смерть легче пера, долг тяжелее, чем гора. Так говорили древние. И вновь сапоги запылились от бесконечных дорог, верный посох обивает брусчатку бесконечных селений, а утомившиеся глаза глядят в бесконечную тьму человеческих душ. А внутри лишь одно желание — присоединиться к давно потерянной семье. Но сделать это не так просто, когда твоя госпожа — сама Смерть.

- Baltasarii
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50

Сделано для библиотеки LIBRUSEC
Сделано для библиотеки FLIBUSTA

Fantasy

Baltasarii
Архивы Инквизиции: Инцидент при Драконьем Клыке

Пролог

Боль. Боль охватила все его тело, добравшись, казалось, до каждого закоулка страдающего куска плоти. Она захлестывала волнами, заставляя захлебываться в накатившем горе, горечи и в слезах, непрошено хлынувших из почти не видящих глаз. Вокруг что-то происходило, кто-то о чем-то говорил, смеялся, но все было не важно. Ведь там, впереди, куда тянулась корчившееся от боли сознание, душевной боли, той, что во много раз сильнее пыточной, ушли в пламя его сокровища. Те, кого он любил сильнее жизни. Те, кто были его жизнью. Его смыслом. Оставляя вместо чувств сочащиеся сукровицей несправедливости мира ожоги. Сжигая еще живое сердце в муке невосполнимой потери.

Взгляд с трудом сфокусировался на кончике клинка, играющего в пяди от его шеи. В лицо прилетел плевок, вокруг раздался приглушенный болью глумливый хохот. И тогда боль вдруг приняла другой оттенок. В том месте, где теперь располагалось пепелище сердца, стала подниматься ярость, не менее обжигающая, чем страдания до этого. Ярость на тех, кто посмел лишить его всего. Ярость и желание кары наполнили его сознание и, на секунду замерев в пике напряжения, прорвались тьмой. Послышались неуверенные крики, переходящие в какие-то дикие животные вопли. Вопли агонии. И ярость медленно отступила, оставив за собой лишь пустоту, заполненную одиночеством, черной тоской, сожалением и желанием уйти следом за потерянными, но такими любимыми. Чтобы просто забыть, без надежды на еще одну встречу, без света, без счастья. Просто забвение, сладкое ничто, где нет страданий.

Вокруг потемнело, утративший краски в момент осознания мир поблек еще сильнее. Навалилось безразличие и слабость. На лоб опустилась чья-то прохладная ладонь, слегка приглушив мертвую зыбь тоски. Перед залитым слезами взором появилось женское лицо, размытое, незнакомое.

— Я могу помочь тебе, — прозвучало чувственное контральто, в котором звучало участие и сожаление. — Удержать их. Но тебе придется заплатить.

Казалось, что в измученной душе уже нет места для ярких красок и чувств. Но безумная, бешеная надежда взорвалась внутри, в считанные мгновения добралась до его губ, и те сами собой прошептали, боясь опоздать еще раз:

— Все, что угодно. Все, что только могу.

— Ну, столько не надо, — грустная ласковая улыбка тронула красивое лицо женщины. — Но кое-что мне понадобится.

Контракт?

— Контракт.

Глава 1

Курт.

Каждый, кто хотя бы раз ночевал в лесу, знает, что несмотря на время года, температуру, погоду и, пожалуй, расположение небесных тел, под утро наступает время Всепроникающего Холода. Это явление проникает через любые плащи, теплые носки и спальные мешки для того, чтобы с упоением вцепиться в пальцы ног разумного. Курт довольно точно уловил момент пробуждения по состоянию вышеописанных многострадальных частей своего тела. Поняв, что поспать уже не получится, сел и расстегнул застежку спальника. В одних портках он на четвереньках выбрался из низкой палатки, встал на покрытую утренней росой траву и, сладко потянувшись, глубоко вдохнул ароматный холодный утренний воздух.

Выпустив парок изо рта, Курт, довольно прищурившись, осмотрелся. Вчера палатку пришлось ставить уже в потемках, и было как-то не до окружающих видов. Однако сегодня, в лучах утреннего солнца, пред Куртом открылась пастораль, прекрасная в своей природной простоте. Край векового хвойного леса за спиной переходил в обширное разнотравье, то здесь то там разбавленное небольшими рощицами берез. Все дышало покоем и тихой радостью нового утра: и высокие сосны, величаво покачивающиеся на несмелом утреннем ветерке, и цветы в поле, и лениво несущая свои воды речушка недалече, и череп, и закутавшиеся в пушистые облака далекие горы, и… так, стоп. Череп?

Сонная одурь мгновенно вылетела из головы Курта, не забыв прихватить с собой истому. Уперевшись в охранный купол, молча и неподвижно стоял скелет. Стоял совершенно самостоятельно, буравя Курта багровыми огоньками, мерцавшими в глубине пустых глазниц. Скелет Курту не понравился. Даже не фактом своего самостоятельного передвижения, а иначе как бы этот представитель неживых оказался около его, Куртовой, палатки. А, скорее, нестандартностью своего внешнего вида. Кости скелета были черные. Не грязные, а именно черные, цвета глубокой безлунной ночи. Опять же — огоньки в глазницах, да. Вдобавок ко всему, фаланги пальцев оканчивались дюймовыми когтями. Тоже черными, глянцевыми.

«*Твари сии по силе своей значатся как середние и нарекаются Потрошителями. Одиночную особь ведающий жнец сдюжит без*

труда, ано для селянина зело опасна. Вельми крепок и подвижен, ядовит. Охотятся стаями от двух до пяти особей. Умны аки псы дворовые», — всплыли в памяти слова из «Описания нежитей и тварей, душ человеческих жаждущих». Значит тварь не одна. Выманивает, да. Курт спокойно, с профессиональным интересом, посмотрел на потрошителя. Потрошитель посмотрел на Курта и скрипнул челюстями. Ситуация складывалась патовая. Скелет будет тут стоять столько, сколько потребуется. Купол, заряжаемый через посох жнеца, который вертикально парил между палаткой и кострищем, Курт мог поддерживать бесконечно долго. Конечно, если не отвлекаться на такие «маловажные» вещи как пища и вода.

Мысленное усилие — и по телу пробежал привычный озноб, эмоции угасли, потеряли остроту, оставив чувство абсолютного, всепоглощающего покоя. Время замедлилось, окружающие краски выцвели, как поздним вечером, угасли звуки. Ну, здравствуй, Тень[1]. Плавным шагом жнец скользнул в сторону скелета, перехватив по дороге посох. Купол, издав тихий звон, пропал, и потрошитель по инерции шатнулся вперед.

Посох жнеца — произведение искусства. Металлический заостренный конец можно использовать и как надежную опору, и как колющее оружие. Увесистый двухметровый гладкий шест из заговоренной сумеречной древесины в верхней трети изгибался резными позвонками. Оголовье же выполнено в виде человеческого черепа из цельного куска горного хрусталя, и неплохо дробило кости. Кроме того по желанию жнеца череп мгновенно выпускал широкое туманное лезвие, и тогда посох превращался в самое грозное оружие ближнего боя, известное в мире — косу жнеца.

Это самое лезвие и принял на грудь неудачливый потрошитель, когда Курт поймал его на встречном движении. Не успели еще две половины, уже окончательно упокоенного скелета, упасть на землю, как Курт, продолжая замах, вогнал лезвие в землю, упокоив второго потрошителя, спрятавшегося в высокой траве. С левой руки жнец, обернувшись, небрежно стряхнул *печать*[2]*тлена*[3]на третьего скелета. Скелет, как раз, летел в сторону Куртовой шеи, разъявив неожиданно большую зубастую пасть и, встретившись в полете с клубящейся тьмой печати, рассыпался прахом.

Курт оглядел кучки праха на траве. Подошел к еще копошащимся половинкам первого потрошителя, и, начертав тому на лобной кости *печать безвременья*[4], отсек череп и убрал его в походный мешок. Проверил окрестности чутьем жнеца и, спокойно выдохнув, погасил посох. Пора собираться, завтракать и

в дорогу. Нужно разобраться с тем, что происходит в этой местности. Потрошители не имеют свойства вызревать спонтанно, на деревенском кладбище. Кто-то их призвал, подготовил, напитывал силой. Или что-то. Ответы жнец собирался узнать в ближайшей ратуше, которая имелась на всю округу только одна. Маленький город, или большая деревня, Драконий Клык ждет его, Курта, явления. И явление грядет, трепещите селяне. И селянки, да.

Когда солнце поднялось в зенит, Курт стоял на главной площади Драконьего Клыка. Такое колоритное название селище получило от относительно недалеко расположенной скалы, торчащей вертикально на высоту саженей пяти-шести, и напоминало, по мнению Курта, совсем даже не клык, а кое-что пониже. И не менее драконье, да. Где-то там, на вершине каменного… клыка, располагался вход в пещеру, в которой, по легенде, в древности жил дракон. Дракона извели древние же герои, а… клык остался. Остальные же деревни в округе, за неимением интересно залегендированных предметов ландшафта, носили более прозаичные названия, такие как Гнилые Горшки или же Дырищи. Несмотря на пафосное название, деревня представляла собой часто встречающийся выкидыш большого села, согрешившего с маленьким захолустным городком. В наличии имелись: частично мощенные улицы; много самых обычных деревянных подворий, плавно переходящих к центру городка в двухэтажные баракообразные жилища для шахтеров; небогато, но опрятно одетые редкие горожане. Этакая помесь пограничной заставы и шахтерского городка. Ну, и вездесущий запах сена и навоза, куда же без этого атрибута, да.

Ратуша Драконьего Клыка представляла собой замечательный образчик деревенской архитектуры, то есть отличалась от большого сарая только наличием резных наличников на редких оконцах и башенки. Ну какая же ратуша и без башенки-то? Монументальные двери, тоже драконьи — судя по размерам, были заперты на засов. Снаружи. А сам засов приколочен гвоздями к дверной коробке. Сняв капюшон дорожного плаща, Курт почесал затылок. Безотказное средство подсказало, что нужно брать языка. Оглядев небольшую, но такую главную, площадь, Курт остановил взгляд на кучке детворы, играющих во что-то на пыльной деревянной мостовой. Дети гоняли двух здоровенных, отливающих металлом жуков по импровизированной арене. Нещадно галдя, постоянно двигаясь и пихаясь, ребятня воображала то ли ипподром, то ли гладиаторские бои.

— Кхм, — сказал Курт, подобравшись поближе. Дети

продолжали увлеченно заниматься своими делами. Курт решил закрепить свой успех:

— Привет!

Лучшие ищейки императорской тайной службы поумирали бы от зависти. Только что перед жнецом было чуть больше дюжины детей — миг — и вот уже пустая площадь. Под ногами копошатся несколько жуков, а в десяти шагах стоит бронзоволосая девочка и с интересом наблюдает за Куртом. Попробуем еще раз:

— Привет.

— Привет, — девочка продолжала смотреть на Курта крупными зелеными глазищами. — А ты кто? Колдун?

— Жнец.

— Самый настоящий жнец? Самый-самый? А не врешь? — строго спросила девочка, слегка дернув себя за рыжий хвостик.

— Жнецовее не бывает, да. — Курт потер подбородок. — Меня зовут Курт. А тебя, юная леди?

— Деда говорит, что с незнакомыми дядями говорить нельзя. Вот. А жнецы едят маленьких девочек?

— Только по праздникам. А до следующего еще две недели, да. — заявил Курт, пытаясь удержать на лице ускользающую суровость.

— А что это у тебя за спиной, — девочка разглядела чехол с посохом.

— Ратуша, — сказал Курт и принялся рыться в объемной дорожной сумке, висящей на боку. Достал из нее два здоровенных цветастых леденца и показал их девочке. Девочка не стала скрывать свой энтузиазм:

— О! Это мне? Хочу такой! Хочу-хочу!

— А тебе деда не говорил, что нельзя брать конфеты у незнакомых дядей?

— Ты зануда, — отрубила девочка. — Давай уже леденец. Или оба.

— Мила, — добавило это рыжее чудо, и, подбежав, выхватило леденцы из руки Курта. Присев на корточки он дождался, когда подошедшая девочка освоится с леденцом и спросил:

— Мила, а не подскажешь, где мне найти войта[5]? — и, увидев ставший подозрительным взгляд Милы, торопливо добавил. — Мне по делу.

— В «Нетрезвом шахтере» конечно же, — Мила посмотрела на Курта, как на человека, не знающего элементарных вещей.

— Трактир?

— Ага.

— Проводишь?

— А еще конфеты есть? — поинтересовалась Мила с совершенно невинным выражением лица и щербато улыбнулась. Что-то задумала, егоза.

— Много, — слегка приподняв уголки губ, сказал Курт.

— Ребзя! — неожиданно громко крикнула Мила. — Он совсем не страшный! И у него конфеты!

Мигом налетевшая ребятня осадила ничуть не растерявшегося жнеца, и вся дружная компания, весело шумя и смеясь, двинулась в сторону трактира.

Глава 2

Михей.

Яркие лучи полуденного солнца освещали небольшой зал одного из трех существующих в Драконьем Зубе трактира «Нетрезвый шахтер». В лучах света лениво плавали редкие пылинки. Вкусно пахло едой с кухни. В трактире сегодня было пусто, что неудивительно в такое-то время. То ли будет вечером, когда подтянутся пропыленные рабочие из Волчьей шахты и крепкие, уставшие за день, крестьяне с окружающих полей. Войт Михей стоял за стойкой, как и полагается хозяину заведения, и скучал. Скука навевала некоторую тревожность в организме, и светлое пиво, которое Михей лениво потягивал, эту самую тревожность победить не могло. Помнится, когда Михей заскучал в прошлый раз, началось вторжение перворожденных ублюдков, и Михей потерял почти всю семью. Нет, понятно, что скука Михея тут ни причем. Но, с тех пор, войт считал скуку предвестником «приключений» и, как и любой ветеран Имперского Легиона, нехилых таких проблем. Однако ничего не предвещало…

Со скуки Михей стал протирать и без того блестящие от чистоты кружки и слушать вялые разговоры клина[6] дармоедов, которые выполняли полицейские функции в его деревне по контракту с Имперской Гильдией Наемников. Ага, как же. Только и делают, что целыми днями дуют дармовое пиво. На самом деле, Михей был доволен ребятами. Бойцы они славные, ссор в деревне не допускали, не шалили, разбойников в округе повывели, контролировали поголовье опасных зверей. Пару раз даже не побоялись выйти против неживых, низших правда, но все же. И вышли победителями, без потерь, а это дорогого стоит. Однако начальству всегда больно смотреть, как его подчиненный ничего не делает. Вот, Михей и крепился, чтобы чего лишнего не сказать, ни к чему с ребятами отношения портить. И все же — сколько в них помещается!

От скуки, тревоги и раздражения Михея отвлек усиливающийся шум за входной дверью. Галдели явно дети, чем-то сильно возбужденные. Дверь распахнулась и в трактир ввалилась шумная толпа детей, буквально облепившая какого-то мутного типа в плаще с капюшоном, который вел себя с детьми совершенно по-свойски. Среди детей то и дело мелькала рыжая головка внучки. Ребятня, не прекращая общения, подтащила посетителя к большому столу. Когда все расселись, от стола

послышался пиратский рык, сдобренный детским хохотом:

— Выпить моим друзьям, я угощаю!

— Выпить! Выпить! — тут же стали весело скандировать дети.

От абсурдности ситуации войт на мгновение оторопел. А Слав, командир воинов, подобрался, подобно охотничьему псу. Мутный тип похоже совсем с ума сошел, пытаясь напоить детей в местном же трактире. Однако, как оказалось, Михей зря думал плохо о неожиданном посетителе:

— Трактирщик, — взревел по-новой путник. — Где наш морс! Ягодный давай! И только попробуй мне разведи!

— И сладостей! — поддержали мужика в плаще дети.

— И сладостей, — повторил гость.

— Сейчас все будет в лучшем виде, — включился в игру Михей. — Не извольте беспокоиться. Лучшего морса, чем в «Нетрезвом шахтере» не найти.

У войта отлегло от сердца. Мужик в плаще, похоже, просто гениальный отец. И вся эта ситуация — всего лишь игра. Даже вяканье некой рыжей засранки: «а как же пиво и винище», было аккуратно задавлено. Судя по румяному лицу Милы, мужик успешно растолковывал непослушной девочке тему о пагубном влиянии алкоголя на неокрепший молодой организм. Тем временем подавальщицы споро расставили по столу кружки и кувшины с морсом, тарелки с сушеными фруктами и два блюда с большими черничными пирогами. Шум, создаваемый детьми, превратился в неясный гул, сопровождаемый дружным чавканьем. Мила же, выпрыгнув из-за стола, потащила непонятного посетителя к стойке, и Михей смог, наконец-то, рассмотреть его. Высокий широкоплечий посетитель двигался плавно и хищно, плащ скрывал большую часть подробностей. В руке дорожный мешок, за спиной длинный чехол. Похоже, их городок посетил воин, возможно наемник. Судя по чехлу — лучник или мастер-копейщик.

— Вот. Мой деда, — заявила рыжая егоза.

— Пусть осветит твой путь звезда, деда. Меня зовут Курт, — представился посетитель и протянул руку, затянутую в черную кожаную перчатку, усеянную серебристыми заклепками.

— Дорога твоя да будет прямой, Курт. Михей, местный войт, — пожал протянутую руку деда, и, посмотрев на перчатку Курта, уточнил: — Жнец?

— Жнецовее не бывает, да, — звонко заявила непоседа. Курт улыбнулся и выложил на стойку золотой.

— Иди к друзьям, Мила, дай взрослым поговорить, — сказал Михей, отсчитывая сдачу и передавая её жнецу.

— Ну во-от, сейчас же самое интересное начнется, — заныла

Мила.

— Где-то тут наша любимая розга… — полез под стойку дед. Курт моргнул — Мила оказалась за столом среди других детей. Магия, не иначе. Михей посмотрел на жнеца, справа подсел Слав.

— Пусть осветит твой путь звезда, жнец. Ты зря пришел. В округе все спокойно, — произнес Слав. Он вообще не говорил, а изрекал, монументально и основательно.

Курт снял капюшон, пригладил короткие каштановые волосы, разбавленные седыми прядями, мельком оглянулся на пирующих детей и, прищурив серые глаза, ответил:

— Дорога твоя да будет прямой, наемник. Ты не прав, — и, обратив внимание на нарочито недовольно скривившегося Слава добавил. — Могу доказать, но без лишних глаз.

— Идем, — махнул Михей рукой. Жнец не лжет, они вообще не лгут — не та порода. Вслед за ними поднялись и бойцы, кроме одного, оставшегося следить за детьми.

Поднявшись на второй этаж, Михей достал ключ и открыл ближайшую к лестнице дверь. Зашел в чистую светлую комнату, все убранство в которой состояло из монументального дубового стола и не менее монументальных стульев. Такую комнату Михей держал специально для переговоров, собраний, пятиминуток и подобного. Драконий Клык закладывался как шахтерский городок, но на данный момент представлял из себя, чего уж там, большое село. Потому, в стандартной ратуше, построенной при основании города, все аж целых пять высших чиновников могли запросто потеряться. Вместе с посетителями. Потому Михей сочетал приятное с полезным. Содержал трактир, имея при этом неплохую добавку к государственному жалованию, и выполнял обязанности войта в более располагающей обстановке.

Заняв место во главе, Михей дождался, когда все рассядутся, и вопросительно взглянул на жнеца. Курт порылся в сумке и выложил на стол череп. Необычный такой, антрацитово-черный, клыкастый, с мерцающим сложным рисунком на лбу. Тишина за столом из выжидательной стала напряженной.

— И что это? — спросил Михей. Ответ прозвучал с неожиданной стороны. Объяснять взялся Слав:

— Череп потрошителя. Довольно сильная нежить. Крестьяне бы не справились. Ходят группами. Сколько их было?

— Трое.

— Ну ты силен, жнец.

— Ты забыл сказать войту самое главное.

— Ну да, — Слав хмуро посмотрел на Михея. — Такие твари сами по себе не появляются.

— Это значит, что в деревне обосновался некромант? — По

спине Михея потоптались мурашки. Он понял, что скучал не зря.

— Или высшая нежить, — произнес Курт. — Или и то и другое.

Тишина за столом стала мрачной.

— Убереги нас Единый, — тяжело вздохнул Михей. — Что мы можем сделать наличными силами?

— Ну, если некромант, то я справлюсь. Если высшая нежить, то там от вида зависит. А вот третий вариант… — жнец отрешенно потер подбородок. — Даже с такими молодцами, как твои наемники, не потяну, да. Эвакуация и запрос помощи из столицы. Причем запрос можно уже отправлять. И голубем, и гонцом, и магпочтой[7]. Мало ли…

— С чего ты решил, жнец, что мы будем в этом участвовать, — отрубил Слав. — Это, вообще-то, твоя работа.

— То есть ты оставишь детей и женщин на съедение нежити? — Курт вопросительно приподнял бровь.

— Не дави на совесть, жнец. Ты прекрасно знаешь, что нам не выстоять против *высшего*.

Михей с беспокойством наблюдал за развитием разговора. Обстановка за столом накалилась. Формально Слав был прав, нежить — удел жнецов. Но при этом командир наемников, да и его ребята, ни за что не оставили бы в беде мирное население, даже если такое мероприятие грозило бы клину преждевременной встречей с Госпожой. Слав чего-то добивается, но вот чего?

— Провоцируешь? — на мгновение Михею показалось, что лицо Курта изменилось: стало бледным с сероватым оттенком, глаза заполнила тьма, а голос стал низким, горловым. Откуда-то дунул ледяной сквозняк. Войт потер пальцами глаза — нет, все со жнецом в порядке. А вот воины — воины поднимались из-за стола и обнажали оружие. А жнец, не обращая на это никакого внимания, продолжал:

— На Поле Крови вы неплохо справлялись.

Под ошарашенным взглядом Михея Слав и его воины опустились на правое колено и отдали жнецу воинский салют, вскинув мечи:

— Прости нас, господин. Не распознали сразу, — произнес Слав. — Располагай нашими жизнями по своему разумению.

Единственный, кто, как и войт, не участвовал в выходке своих товарищей по оружию и, похоже, тоже ничего в происходящем не понимал, был Зоран — племянник Слава и самый молодой воин в отряде. Но сидел молча и ждал разъяснений от командира.

— Может кто-нибудь что-нибудь объяснит? — раздраженно бросил Михей.

— Они начали, пусть и объясняют, — отмахнулся Курт. — И

поднимитесь уже, прощаю я вас.

Воины стали подниматься с пола и рассаживаться по местам.

— Дела гильдии, — отрезал Слав. — Что будем делать, войт?

— Ну, положим, весть я сейчас пошлю, — нахмурился Михей. — Можешь указать конкретное место, жнец?

— В той стороне, — махнул рукой Курт в сторону окна.

— Там старое кладбище. Еще времен Войны Листвы. Братская могила, практически, — сказал Горан, один из воинов Слава, следопыт отряда. — Да и нынешнее кладбище тоже там.

— Нужно посмотреть, — резюмировал Курт. — А еще пригласить на прогулку священника.

— Есть еще маг при магистрате, — предложил Михей. — Воздушник.

Жнец кивнул, отдавая организационные вопросы на откуп Михею. Сборы заняли около часа, по истечении которого в обеденном зале «Нетрезвого шахтера» остались только заинтересованные лица. Михей вышел из подсобки, снаряженный в старый, но испытанный пехотный доспех. Щит Михей решил не брать, слишком громоздкий, а вот верный гладиус на пояс прицепил.

Остановившись у стойки, войт оглядел собравшихся. Жнец, потягивая пиво, меланхолично сидел за угловым столом. В самом темном углу. От входной двери к большому столу в центре зала подтягивались наемники, все, как один, затянутые в незнакомые, страшноватые на вид дымчатые доспехи. Воины обвешались оружием, как будто речь шла не о проверке кладбища, а о рейде в Светлый Лес[8].Такое оружие, кстати, войт у наемников тоже ни разу не видел. Горан Волк и Богша Хлыст были затянуты во что-то изящно-кольчужное и производили впечатление гибких и быстрых хищников. На поясах ножи и короткие клинки. За спинами небольшие, но грозные на вид арбалеты. У Ждана Ворона и Слава доспехи производили впечатление более тяжелых, за счет странного узора из дымчатых пластин. За спинами расположились саадаки с длинными луками из странного темного дерева со вставками из того же дымчатого металла. А вот Лад Молот и Буян Шут походили на две дымчатые крепости, так как были закованы во весь свой немаленький рост, что называется, «до бровей». Только Зоран отличался обычным, хотя и качественным, средним гильдейским доспехом.

Рядом с Зораном расположился управляющий шахтерской артели, Стефан Кирка, и с любопытством разглядывал разодевшихся воинов. Недалеко от воинов расположились два старика. Одетый в поношенную и кое-где подштопанную, но чистую и опрятную рясу отец Радомир что-то втолковывал

штатному магу-воздушнику магистру Каину тер Салазару. Сам отец Радомир появился в городке три года назад, заменив погибшего отца Лазаря, и с тех пор приход только рос. Священник был вежлив, кроток, дипломатичен, всегда любезен и очень проницателен. Он находил тропку к сердцу любого человека, и, казалось, мог решить любую проблему, занимающую его паству. Однако Михея не покидало ощущение, что такое поведение священника всего лишь маска, скрывающая расчетливого и фанатичного пса Единого. Как говаривал почивший сын войта: «Что-то сильно Инквизицией попахивает».

Повелитель воздушной стихии, магистр магических искусств, граф[9] Каин тер Салазар, напротив, излучал надменность, поглядывая на окружающих с плохо скрываемыми превосходством и брезгливостью. У Михея с этим, неизвестно за что сосланным в их дыру магистром, отношения не сложились сразу. Да и сложно что-то складывать с человеком, который каждым словом и действием умудряется облить тебя дерьмом. Вроде ничего такого и не говорит, но в устах потомственного аристократа, при желании, и пожелание здоровья будет нести совершенно противоположный смысл. А то и несколько, и все оскорбительные. Сколько конфликтов между горожанами и этим магом пришлось разрешать войту — не сосчитать. Ладно, хоть свои обязанности выполняет исправно. И на том спасибо.

— Собрались? — обратил на себя внимание Михей. — Тогда так. Стефан, отец Радомир, граф тер Салазар — вас ввели в курс дела?

Дождавшись трех утверждающих кивков, Михей продолжил:

— Стефан, ты за старшего, организуй гонца в Белокамень. И голубя туда же.

— Сделаю.

— Граф тер Салазар, не сочтите мою просьбу обременением…

— Прошу прощения, что перебиваю, — тер Салазар сплел пальцы на животе. — Но думаю, что господин Стефан справится без меня, а вот вам может понадобиться помощь неплохого, смею надеяться, мага. Хоть и стихийного. Магосвязь я обеспечу.

— Стефан? — слегка прибалдел от такой сговорчивости надменного мага Михей.

— Справлюсь, — махнул рукой управляющий. — Помощников своих подтяну, да активистов из шахтеров. Не волнуйся, все сделаем. Главное не пропади там, старый ты пень.

— Ну хорошо. Много вам понадобится времени, граф?

— Совсем немного, — заверил маг. — Я еще и свои дела переделать успею, пока вы собираться будете.

— На этом и порешим, — заключил Михей, и направился к

выходу из трактира.

Глава 3

Курт.

Их небольшой отряд выехал из Драконьего Клыка на лошадях и потрепанном, но ухоженном военном фургоне, так любимым имперскими легионерами. Верхом предпочли передвигаться воины и, как и ожидалось, граф. На козлах фургона сидел войт и правил парой крепких флегматичных тяжеловозов. В самом же фургоне, у которого свернули торцевые занавеси, с комфортом расположились священник и жнец. Скрип колес, ароматы нагретых на солнце полевых трав, запах конского пота и отбитое на неровной дороге седалище — вот, пожалуй, и все впечатления Курта от продолжающейся уже более часа поездки к местному захоронению. Погода стояла ясная и достаточно душная, однако тент частично облегчал жизнь пассажирам. Проплывающий мимо пейзаж так же не радовал разнообразием: поля, засеянные поля, каменистые поля, редкие чахлые рощицы, опять поля, довольно плешивые холмы на фоне недалекого горного хребта… Все это вкупе с монотонным движением навевало скуку.

Курт сидел на краю фургона, болтал ногами и смотрел невидящим взглядом на округу. И размышлял. У нормальных людей все мысли были бы о предстоящем опасном, возможно — смертельно опасном, деле. Но жнец не относил себя к нормальным людям уже очень давно, с момента инициации, когда он потерял все и приобрел Контракт[10]. Курт не боялся предстоящего дела, так как не боялся смерти, ведь смерть означала бы окончание его службы на благо Тихой Госпожи[11]. А там и до расплаты по счетам недалеко, да. Но Тихая Госпожа не торопилась отпускать жнеца в Тень, совсем не торопилась. Видимо, Курт был очень полезен для нее.

Не боялся Курт и тварей, с которыми придется столкнуться, потому как за время Контракта насмотрелся на всякое. И как целитель не обращает внимания на кровь и крики боли, как кузнец не чувствует жара горна и тяжести инструментов, так и опытный жнец не испытывает страха перед тварями с той стороны, даже если тварь сама насылает страх. А Курт — опытный жнец, да. Без малого пятнадцать лет топчет он тракты и тропинки, выслеживая нежить. На все уже успел насмотреться.

А вот к чему Курт оказался не готов, и что смогло пробить ледяную броню, сковавшее его сердце в момент инициации, так это к мелким рыжеволосым девчонкам. Особенно к тому, что

чужая ему, живущая на другом конце страны девочка будет как две капли воды похожа на его дочь. И дело не только в поразительном внешнем сходстве, а еще и в поведении, как будто душа Ланы обрела новое воплощение. Чего быть не могло, ибо обговаривалось Контрактом. Как ни странно, но именно внучка войта, смягчившая душевную боль жнеца, стала основной причиной заинтересованности Курта в этой охоте на нежить.

— Кхм!! — Только многолетний опыт сидения в засадах позволил Курту не вздрогнуть, когда его неожиданно и бесцеремонно выдернули из задумчивой дремы.

— Простите меня, мастер[12] Курт. Можно задать вам пару вопросов? — Святой подкрался незаметно, да.

— Только если не по поводу моего вероисповедания, отец Радомир. А то знаете, поднадоели уже эти вопросы от вашей братии. Притом, что ответы на них очевидны.

— Нет-нет. Ничего такого. Мне известно, что жнецы являются служителями Тихой Госпожи. И даже чтят ее иногда больше, чем Всеотца.

— У вас очень интересные источники информации, отец Радомир, — задумчиво произнес Курт, глядя в глаза священнику. — Эта информация не является общедоступной.

— Ну, ваши коллеги не очень-то ее и прячут. Давайте-ка лучше поговорим о действительно важных проблемах, — отец Радомир промокнул испарину платочком, извлеченным откуда-то из складок рясы. — Что вы думаете о предстоящей охоте, мастер Курт?

— Я могу лишь повторить то, что сказал в трактире, — поморщился жнец. Повторять одно и тоже ему не хотелось. Однако священник, как и ожидалось, ожидания оправдал. Каламбурчик, да.

— Если вас не затруднит, — спокойно попросил он. — Меня ведь на тот момент не было в «Пьяном шахтере».

— Я думаю, что нас ждет встреча с высшей нежитью. Может быть пустым рыцарем или личем, им как раз по силам призыв потрошителей. С другой стороны, может быть и некромант тут пошалил. А в самом неблагоприятном для нас случае…

— Там будут и тот и другой? — перебил отец Радомир. — И некромант, и поднятая им высшая нежить?

— Ага.

— Вы сможете с ними справиться, мастер Курт?

— Тихая Госпожа знает, — пожал плечами Курт. — Не попробуем, не поймем. Но и сидеть нельзя, высшая нежить может в любой момент пойти охотиться, и тогда будет очень много смертей.

Какое-то время они двигались молча, слушая скрип колес телеги и думая каждый о своем. Между тем Курт заметил, что отец Радомир говорит достаточно тихо, и сел так, чтобы ни магистр тер Салазар, едущий рядом с фургоном, ни войт, сидящий на козлах, ничего не услышали. Наконец жнец решил продолжить беседу:

— Отец Радомир, а почему кладбище так далеко?

— Дело в том, что кладбище там старенькое. Старше Драконьего Клыка. Даже старше людей.

— Вот как. То есть нашли древний могильник, и решили своих подхоранивать? — удивился Курт.

— Ну да, — кивнул священник. — У нас там и часовня стоит с дежурными священниками, землю периодически освящаем. Вот и решили туда всех возить. Далековато, зато живописно.

— Хм.

— Нет, в самом деле. Там в скальном обрыве пробит огромный склеп, возможно даже в несколько этажей.

— И древних трупов там видимо-невидимо, — невесело усмехнулся Курт. — Дело принимает скверный оборот.

— Гораздо более скверный, чем вы думаете, мастер Курт, — произнес священник. — Или лучше назвать вас магистр[13] Курт Иней?

На мгновение Курт застыл, пытаясь переварить услышанное. Кто-то на этой телеге слишком много знает, да.

— Скажите, отец Радомир, а какой у вас сан? — Решил прервать затянувшуюся паузу жнец.

— Епископ, магистр Курт, — губы священника тронула легкая улыбка.

— А в матушке нашей Инквизиции, которая денно и нощно печется о душах наших?

На лице священника появилось удовлетворение.

— Приор[14], магистр Курт, — улыбнулся тот еще шире. — Только я книжник[15], учитывайте это.

Курт перевел взгляд на собирающиеся тучи, которые накрывали, пока еще, небольшую область в том направлении, куда двигались телеги.

— Не стоит играть словами, приор Радомир. Рассказывайте уже.

— Пять лет назад один из наших прозревших[16] увидел падение Империи.

— Да ладно! — искренне удивился Курт. Империя уже лет триста существовала, и признаков упадка замечено не было. Сломать ее пытались и соседи, и эльфы, и некроманты. Пытались периодически и безуспешно.

— Я понимаю ваш скепсис, магистр, но наши прозревшие не ошибаются, — продолжил приор. — В общем, было вычленено несколько ключевых событий, которые могли бы изменить весь расклад.

— И одно из них произойдет здесь. И дело тут явно сложнее высшей нежити. Так?

— Вы достаточно проницательны, магистр, — улыбнулся приор. — Я в вас не ошибся.

— И участники собраны тоже, так сказать, рекомендованные?

— Мало того — единственно верные. Да еще и «естественным» путем, чтобы не спровоцировать негативное течение событий. — отец Радомир задумчиво потер подбородок. — Было очень сложно в нужное время собрать в нужном месте одного из сильнейших жнецов, да-да мастер Курт, и нечего тут скромничать, и обращенных им Теневых Стражей. И это при том, что ваше присутствие тоже не гарант успеха, а лишь дает небольшой шанс. И то — призрачный.

— То есть, нагнать сюда пару легионов и боевых магов не вариант? — скорее утвердительно произнес Курт.

— То, что сейчас происходит — самый благоприятный вариант.

— Что же нас ждет, отец Радомир? — спросил Курт, внутренне готовясь к очень неприятным новостям.

— А вот этого мы не знаем, — помрачнел книжник. — Известно только, что здесь будет некромант и высшая нежить в комплекте…

— Приехали! — окрикнул их Михей, прерывая беседу и останавливая фургон на плоской вершине пологого холма.

Курт подошел к краю площадки и окинул взглядом открывшийся вид. От подножия холма начиналась небольшая долина, закрытая справа лесистыми холмами, а слева широкой рекой, которая слева же огибала одиноко стоящую гору. Долина была усеяна ритуальными постройками и склепами, видимо из-за того, что долбить могилы в скалах — удовольствие еще то. На покрытых густым лесом холмах справа, среди деревьев, виднелась остроконечная верхушка часовни. Склон горы, смотрящий на Курта, был срезан, словно ножом. В основании необычно ровной стены было прорезана дюжина дверных проемов, большая часть которых была обычного размера, тогда как центральный был размером с городские врата. Проемы зияли густой тенью, которая еще больше сгущалась в сумерках, создаваемых подозрительно ровным кругом облаков, низко нависающих над долиной.

К Курту подошли Слав и отец Радомир. Последний попытался что-то сказать, но подавился воздухом и закашлялся, так как в

этот момент темнота в проемах скальной стенки сгустилась и исторгла дюжину гибких черных фигур. Потрошители, а это были именно они, повертели черепами, и споро отправились по направлению к людям, ловко лавируя между постройками.

— Ырдец[17]! — прокомментировал Слав.

— Нет, — поправил его Курт, глядя на гигантскую, занимающую большую часть скальной стены, печать, медленно наливающуюся зловещим багровым светом. — Полный ырдец[18].

Глава 4

Михей.

Михей, занятый поиском удобного места для фургона, пропустил тот момент, когда ленивый ручеек событий превратился в бурный поток, грозящий смести горстку людей с лица Таала[19]. Началось все с нецензурного замечания Слава, которое через секунду поддержал и жнец. А когда войт разглядел тощие черные, неестественно двигающиеся в их сторону фигуры, а на Стене Скорби какую-то светящуюся красную магическую дребедень, то и сам не сдержал соленых выражений. Пока все натужно пытались сообразить, что вообще теперь делать, жнец уже взял все в свои руки.

— Магистр тер Салазар, возведите односторонний щит над нами, уровень три, диаметром двенадцать.

Маг прошел в центр площадки и затянул какое-то заклинание, делая руками пассы. Вокруг его предплечий закрутились какие-то сложные на вид ажурные рисунки, подсвеченные лазурью.

— Слав, эти тварюшки мешают мне работать, — Курт махнул в сторону быстро приближающейся нежити. — Без следопытов справишься?

— Справимся, господин.

Слав и еще трое наемников переглянулись и сорвались на невероятной скорости вниз по склону, навстречу потрошителям. Магистр тер Салазар, закончив речитатив, как-то по-особенному махнул рукой, и вершину холма накрыло прозрачной пленкой, как будто большой кружкой из версанского стекла.

— Богша и Горан, — продолжал, между тем, жнец. — Там, около часовни, я чувствую некроманта. Он, скорее всего, вымотан обрядом. Притащите его сюда. Живого. И, по возможности, поглядите, что там в часовне происходит.

— Будет исполнено, господин, — произнес Горан, и пара следопытов исчезла из поля зрения. Михей никогда бы не подумал, что люди могут так быстро двигаться, если бы не увидел собственными глазами.

— Отец Радомир, вспоминайте что-нибудь по своей части, но пока ничего не предпринимайте.

Священник кивнул. Воины, между тем, достигли подножия холма и остановились за две дюжины шагов до полуразрушенной временем ограды кладбища, сложенной из дикого камня. Лад и

Буян выдвинулись вперед и спрятались за массивными щитами. Вставшие за ними выше по склону стрелки наложили стрелы на дымчатые луки. Первая тварь ловко запрыгнула на ближайший к воинам склеп и, сверкнув багровыми глазницами, угрожающе завыла. От мерзкого воя твари, которой, казалось бы, нечем так орать, у Михея зашевелились на голове волосы. Воины же просто проигнорировали вопли твари и, уже через мгновение, череп последней разлетелся на мелкие кусочки. А стрелы-то, похоже, зачарованные. И не просто зачарованные, а против нежити. И где только наемники такие достали?

Тем временем между постройками промелькнули черные ломанные силуэты и на жидкий строй наемников вылетел авангард потрошителей. У двоих сразу лопнули черепа, стрелки били в глазницы с такой меткостью, что длинноухие ублюдки удавились бы от зависти. Взмахнувший молотом Лад отправил очередную тварь в короткий полет к склепу, где та, впечатавшись в стену, рассыпалась черным прахом. Еще одно плавное движение воина, и следующий потрошитель уже вколочен в невысокую траву. Буян принял своего «гостя» на встречное движение щитом. Удар вышел настолько сильным, что очередная тварь покинула поле боя, осыпавшись прахом. Следующую тварь Шут приголубил шестопером, начисто снеся черный клыкастый череп. Пока панцирники сдерживали нежить, еще четыре черепа повстречалось со стрелами. Последнюю тварь припечатал к оградке прилетевший от Лада щит, который тот, не напрягаясь, метнул с дюжины шагов.

Сказать, что Михей был удивлен — это не сказать ничего. Сам войт за свою довольно длинную жизнь с нежитью на коротких дистанциях не сталкивался. Но вот сослуживцы у него были разные. Некоторые рассказывали такие байки, что от страха волосы вставали не только на голове, но и в подмышках. И все эти байки сходились в одном: если нежить сильная, то превосходство в численности солдат должно быть втрое. И поддержка хотя бы одного священника в обязательном порядке. В этом случае потери среди охотников на нежить можно свести, всего лишь, к четверти от первоначального состава. А тут четыре воина, без особого для себя урона, играючи разобрались с превосходящей их группой очень неслабых неживых. Вопросы к наемникам накапливались, напоминая снежный ком. Ну ничего, закончат здесь и Слав не отвертится от подробной беседы. Тем временем воины вернулись под защитную *печать* на вершине холма.

— Даже размяться не успели, — заявил Ждан, напарник-стрелок Слава.

— Так еще ничего и не кончилось, — отец Радомир тяжело

вздохнул. — Еще даже и не началось толком.

Еще пару минут ничего не происходило, а потом из леса возле часовни показались две знакомые фигуры, одна из которых тащила третью. Когда они вошли под купол, Михей ахнул.

— Агна! А ты то что здесь делаешь?

— М-мм-м-м! — ответила на это Агна.

Молодая, красивая, только вошедшая в пору юности русая девушка была войту знакома. Простое деревенское платье на ней было подрано и измазано грязью и травой. Видимо наемники не особо с ней церемонились и, связав ей руки за спиной, волоком протащили всю дорогу. Кое-где через грязь проглядывали красно-бурые пятна, как будто запекшаяся кровь. Под правым глазом на довольно симпатичном лице наливался синевой свежий бланш. Рот закрывал тряпичный кляп, лицо неравномерно покрывала грязь, смешанная со слезами. Время от времени девушка громко хлюпала носом.

— Вы ее знаете? — спокойно поинтересовался Курт.

— Сирота это. Наша. — растерянно проговорил Михей. — На призрении[20] у городского совета находится. А что с ней такое?

— Нашли ее в центре багровой печати, похожей на ту, — Богша Хлыст кивнул в сторону Стены Скорби. — Только по размеру поменьше. Вокруг нее в круге печати лежало шесть трупов. Связанные, в рясах. У всех перерезано горло. Вот это было у нее.

Богша бросил жнецу какой-то предмет. Курт посмотрел на пойманную вещь и ласково улыбнулся. Так, что по хребту Михея пробежался мороз, а Агна, наконец, затихла в руках наемников и уставилась на жнеца, как мышь на кота.

— Отец Радомир, сколько было священников?

— Шесть, — ответил приор, внимательно разглядывая девушку.

— Да что тут происходит?! — возмутился Михей.

— Она — некромант, — медленно произнес священник. — Это на нее завязан призыв Высшего, так, Курт?

— Верно, — произнес жнец, показывая обломок ритуального обсидианового ножа в руке. — А вот этим она зарезала священников, инициировав их кровью заключительную часть обряда.

— Да бред! — возмутился Михей. — Как она могла заколоть шестерых здоровых мужиков?!

— Вот сама сейчас и расскажет, — кивнул следопытам Курт.

Как только Горан избавил девушку от кляпа, та сразу заголосила:

— Отпу-усти-и-ите-е ме-еня-а-а! — По лицу девушки бежали

слезы, оставляя на нем грязные дорожки. Агна с шумом втянула сопли. — Я-а-а не в че-ем не винова-а-ата-а-а! Дя-адя Михе-ей, ну скажи-ите же-е и-им!

— Отпустите ее, в самом деле, — заступился за девушку войт. — Ну не верю я, что она могла такое сотворить. Она ж у нас на глазах росла. Никто зла ей не чинил, все хорошо относились. Ну не могла она всем смерти — то желать, тем более такой лютой.

— А вера тут и ни причем, — холодно процедил Курт, и, одним движением оказавшись возле Агны, влепил ей пощечину тыльной стороной перчатки, усыпанной серебряными шипами. От боли девушка взвыла, а дернувшиеся ей на помощь войт и Зоран неожиданно обнаружили кончики дымчатых клинков у своих шей.

Порыв ледяного ветра прошелестел в траве, лицо жнеца осунулось, побледнело, черты заострились, глаза затопила тьма, а рот наполнился игольчатыми зубами. Жнец улыбнулся, и, повернув к себе лицо девушки за подбородок, прошипел-прорычал:

— Я просто прокляну тебя. Лишу посмертия. А потом сожру живьем, да.

Всхлипы девушки перешли в какую-то другую тональность, её тело вдруг затрясло. А через мгновение послышался смех, переходящий в полубезумный хохот.

— Вы все умрете! — захлебываясь смехом прокричала девушка. — Вам не остановить его! Вы все поплатитесь за мои унижения! Как же я вас ненавижу!

— Чем же мы тебе не угодили, дитя? Что мы такого сделали, что ты на добро ответила таким чудовищным поступком? — подал голос отец Радомир.

— Сделали из меня приживалку? И успокоились, да?! А в душе вы все унижали меня! А я достойна боль…ммммм-мм-ммммм!!

По знаку жнеца Горан сноровисто запихал кляп обратно. Курт, уже вернувшийся к своему обычному виду, махнул наемникам, и те опустили клинки.

— Устал я слушать этот бред, — Курт, принявший обычный вид, потер подбородок и обратился уже к Михею. — Не нужно мне мешать в работе. Я знаю, что делаю. Вы — нет.

Получив заверения от войта и наемника, что они больше не причинят неудобств, жнец подошел к краю площадки на вершине холма и принялся изучать гигантскую печать.

— Похоже, девушка под ментальным воздействием, — тер Салазар поправил манжеты сорочки, скрытые под лазурными

печатями вокруг рук. — Правда определить его тип сложно, дара не хватает. И опыта, увы.

— Мне тоже так показалось, — ответил Курт. — Что скажете, отец Радомир?

Священник пригляделся к застывшей девушке, сидевшей на коленях с опущенной головой, и подтвердил:

— Верно. Что-то из печатей подчинения или усиления. Не разобрать. Остроухие, видимо, руку приложили. Их почерк. Видимо, братьев из часовни тоже зачаровали на ментальном уровне, или же «прекрасные» сами подкладывали монахов в круг.

— И где только она нашла остроухих, в нашей-то глуши? — тер Салазар с неприязнью посмотрел на девушку. — Да и что им тут понадобилось?

— Вряд ли мы найдем ответы на ваши вопросы, уважаемый граф. — священник подошел к жнецу. — Уж точно не сейчас и не от нее.

— Так это все из-за печати? Это из-за нее Агна так поменялась и ненавидит всех? — с надеждой спросил Михей. Войту не давало покоя поведение воспитанницы городского совета. Да чего уж там, сильно ранило. В душе старого солдата смешались жалость к девушке и обида за её же несправедливое отношение к окружающим.

— Спешу разочаровать тебя, Михей, — ответил Радомир. — Такие печати не начертать на пустом месте. Скорее всего, здесь виновата зависть, и чувство это очень сильное. К тому же оно усиливается действием печати.

— Да чему завидовать-то?! — взорвался Михей. — У нее же все было, мы ведь заботились о ней.

— Успокойтесь, войт. — с прохладцей процедил граф. — Зависть, да будет вам известно, чувство иррациональное.

— Избавить-то девку сможете от ярма этого? — охолонул войт.

— Печать начертал настоящий мастер-менталист, — развел светящимися руками тер Салазар. — Я тут бессилен. Коллеги, скорее всего, тоже.

Курт и отец Радомир удрученно кивнули. Михей тяжело вздохнул. Мужчины вообще с трудом переносят ситуации, когда от них ничего не зависит. И войт в этом плане исключением не был. Справившись с чувствами, Михей подошел к краю площадки, где уже собрались все одаренные из их небольшой компании.

— Ты сможешь ее уничтожить? — поинтересовался у Курта отец Радомир, кивнув на багровеющую на Стене Скорби гигантскую печать.

— Печать? Нет. Не смогу, — задумчиво произнес Курт. —

Вернее, смогу, но это бессмысленно. Печать была активирована еще до того, как мы тут появились. Даже еще раньше. Примерно месяц назад. Сейчас уже поздно воздействовать на саму печать.

— И что теперь делать будем? — выразил общий вопрос тер Салазар.

— Подождем немного. Скоро тварь вылупится. И вот ее нужно будет убить, — хмуро ответил Курт. — Если силенок хватит.

Михей уже было собрался узнать, когда же тварь вылупится, как вдруг раздался громкий треск. Огромная печать ярко вспыхнула и погасла. Скала на её месте потрескалась, стали выпадать камни и целые куски скальной стенки, захватывая с собой все больше и больше обломков. Через мгновение обрушилась огромная масса, а когда пыль развеялась, стоящие на холме люди увидели какой-то темный, очень большой бурдюк. Дыра в скале осталась приличная, а склепы, на фоне слабо шевелящейся туши, неизвестного пока, создания, выглядели игрушечными. В ноздри волной ударил мерзкий смрад, и запах гниющего мяса в этом амбре был самым терпимым. С противным громким хрустом край кокона разошелся, и тварь начала выбираться из своей скорлупы.

Первой появилась лоснящаяся от гноя и слизи когтистая лапа, размером с бревно. Вонь резко усилилась. Нежить, наконец-то, освободилась о своей «колыбели», и влажная от ихора оболочка с громким хлюпаньем соскользнула с огромного тела. Влажно поблескивающее пятисаженное тело, покрытое шевелящимися щупальцами, человеческими конечностями, костями и шипами разной формы и размеров, возвышалось над землей, опираясь на шесть неровных, довольно уродливых, костяных конечностей, которые, в свою очередь, были увенчаны сабельными когтями. На длинной шее помещалась вытянутая голова с устрашающей пастью, полной острых зубов, расположенных в несколько рядов. В черных провалах глазниц горели зловещие ядовито-желтые огни. Длинный хвост, состоящий из больших позвонков, оканчивался шипастой булавой, способной пробить городские ворота. На спине у твари располагались сложенные, как будто недоразвитые, крылья. Нежить задрала рогатую голову к затянутому тучами небу и протяжно заскрипела-зарычала.

— Похоже, сегодня мы умрем, — мрачно выразил витавшее в вонючем воздухе общее мнение тер Салазар, когда тварь прооралась, и слова уже можно было услышать.

— Очень может быть, — Курт с академическим интересом изучал монстра. — Но сидеть и ждать, когда ЭТО приползет

отужинать нашими душами я не собираюсь.

— Никто не собирается. Мы все будем бороться за свои жизни, — отец Радомир потеребил четки. — Только хотелось бы узнать мнение профессионала, с чем мы имеем дело. Я, конечно, догадываюсь, но…

— Ммм? — жнец отвлекся от созерцания лениво шевелящейся туши. — А. У нас, господа, появилась редкая возможность наблюдать за реликтовым экземпляром высшей нежити. В природном, так сказать, состоянии. Костяной дракон, да.

И тут Михей понял — они и в самом деле сегодня умрут. Все.

Глава 5

Курт.

У подножия Стены Скорби, как называл ее Михей, происходили увлекательнейшие события. Настолько, что Курт моментально отвлекся от непонятностей, связанных с этим, без сомнения, дурно пахнущим, во всех смыслах, делом. Жнец понимал, что из такого огромного кокона обязательно вылупится что-нибудь особенно гадкое и сильное. Но костяной дракон — такой подставы Курт не ожидал. В свое время жнецы приложили много сил и времени, а кое-где и своих жизней, чтобы знания о печати призыва костяного дракона исчезли из мира. Видимо, прополоть удалось не всю делянку, да.

С другой стороны, когда еще попробуешь свои силы против такого противника? Этих тварей уже века три никто не видывал, а вот Курту «свезло». Особенностью любой высшей нежити, а костяных драконов в особенности, была длительная начальная адаптация. Если те же гули[21] призывались сразу дееспособными и обладающими полным, хотя и достаточно куцым, набором способностей и свойств, то *высшим* требовалось длительное время на, так сказать, дозревание. И чем сильнее нежить, тем больше времени необходимо. Тот же дракон еще полдня будет квелый, медлительный. А на крыло сможет встать не ранее, чем через сутки. Время дозревания в данном случае можно увеличить за счет часовни и регулярного освящения кладбищенской земли.

На этой мысли Курту пришлось закругляться с отвлеченными размышлениями, так как нежить, наконец-то, избавилась от мерзкого на вид, покрытого пленками слизи кокона. Жнец с интересом изучал новопризванную тварь, рассеянно отвечая на вопросы спутников. Следом наступила пора действовать. Курт одним движением расчехлил висящий за спиной посох и поставил его вертикально прямо на воздух, а потом разразился приказами:

— Граф, щит на пятый уровень.

— Сделаю, — тер Салазар стал на ходу усложнять управляющие печати, вращающиеся вокруг его предплечий в строгом порядке. Работа мастера всегда вызывает восхищение, но сейчас, к сожалению, не до созерцаний.

— Отец Радомир, — Курт обратился к священнику. — С вас самый мощный экзорцизм, который сможете.

— Понял, мастер Курт, — ответил священник, становясь на колени и разводя замерцавшие теплым желтым светом ладони,

как будто в попытке обнять кладбище.

— Слав. Тварь сейчас слаба, но до нас доберется довольно быстро. Отвлеките ее. Тем же составом. Под зубы не подставляйтесь, может плюнуть гадостью. За хвостом тоже следите.

— Можно ли нам использовать Тень[22], господин? — слова предводителя наемников прозвучали совершенно спокойно. Да и у остальных воинов, кроме побледневшего от страха Зорана, признаков паники не наблюдалось.

— Нужно, — медленно произнес Курт, перебирая в уме *печати*, которыми можно было бы угостить в*ысшего*. — Мне нужно минут пять-семь. Потом по команде отскакиваете. И поосторожнее там.

— Будет исполнено, господин.

Та же четверка воинов, что совсем недавно играючи крошила потрошителей, окуталась прозрачной темной дымкой. По вершине скалы прошелся ледяной порыв, и наемники, только что стоявшие рядом со жнецом, оказались недалеко от дракона, преодолевшего уже половину пути до вкусных человеческих душ. Лучники заработали с невероятной скоростью, нанося твари множество чувствительных, но далеко не смертельных, повреждений. Лад резко сблизился с нежитью и, ловко уклонившись от хвоста, обрушил свой молот на заднюю конечность дракона. От чудовищного по силе удара лапа переломилась, а громко вопящая тварь резко потеряла в мобильности. Хотя менее опасной не стала, что и доказала, резко крутанув хвостом. Лад, уходя из-под туши монстра, почти уклонился от летящей в корпус хвостовой булавы. Почти, да. Левая рука, попавшая под удар, повисла плетью. Однако воин не вышел из боя, продолжая орудовать зажатым в здоровой руке двуручным молотом. Следом в дракона прилетел, разгоняя сумерки солнечным светом, экзорцизм, подарок от приора, после чего костяной ящерице стало совсем кисло.

Курт понял, что помощь наемникам особо не нужна, и занялся начертанием печати, известной, как *темное раскаяние*. В теории, должно хватить одной только этой *печати*, чтобы развоплотить тварь. На практике же может не хватить сил. А еще у нежити может быть *якорь*, хотя почему может быть? Вон она, сидит. Девица-якорица, да. Впрочем, у жнеца был способ решить оба эти вопроса.

— Михей, Зоран. Мне некогда объяснять вам каждое свое действие. Поэтому, просто не мешайте. Чтобы я ни делал, помните, что в округе сотни невинных, и вы неосторожным действием приговорите всех, — жнец требовательно посмотрел на

неуверенно переминающихся мужиков, и добавил. — Ясно?!

Дождавшись утвердительных кивков, Курт начертал простенькую, практически ученическую, печать и на вершине холма образовался ровный саженный круг, покрытый прахом от рассыпавшихся травы и камней. Еще начертание, и прах снесло порывом ветра. Следующее начертание, и на ровной земляной площадке появляется сложный рисунок *печати*, мерцающий ядовитым гнилушечным светом. Со стороны удивленно охнул граф, который понял, что именно затеял жнец, но каких-то других комментариев с его стороны не последовало.

Порывшись в висящей на правом боку рабочей суме, Курт извлек из нее небольшой молоток, выполненный из темного металла и покрытый зеленоватыми мерцающими рунами, и четыре таких же заточенных штыря, в полторы пяди длинной каждый. Жнец обернулся посмотреть, как там справляются его Стражи. Стражи справлялись неплохо. Дракон находился под постоянными атаками и, пытаясь достать обидчиков, кружил по осколкам разбитых в крупный щебень склепов, периодически отхватывая экзорцизмы от приора. Убить — не убьют, но ослабят знатно. Уже ослабили, да. Восстанавливаться твари теперь суток трое, если не найдет себе пищу. А вот пищи в округе, к сожалению, достаточно.

Курт повернулся обратно и махнул Хлысту и Волку, продолжавшим удерживать Агну. Разведчики сноровисто потащили девушку к начертанной на земле печати. Агна, выйдя то ли из ступора, то ли из экстаза по поводу призыва твари, решила оказать сопротивление, но куда ей против двух сильных воинов. Стражи сноровисто уложили девушку спиной на печать. Курт присел возле правой руки сироты, и вогнал в прижатую Богшей ладонь Агны один из штырей, звонко постукивая по нему молоточком. Брызнула кровь, девушка выгнулась дугой и застонала от боли, кляп из ее рта никто и не собирался убирать. Под ошалелыми взглядами войта и племянника Слава, а так же заинтересованным взглядом графа, Курт без суеты проделал ту же процедуру с оставшимися конечностями девушки. Не пытаются ее спасать, и ладно. Курт окинул взглядом результат своей работы. Кровь капала точно на узловые руны. Руки и ноги девица не сможет теперь ни освободить, не передвинуть — спасибо зачарованным штырям. Мастерство не пропьешь, да.

Удовлетворившись увиденным, жнец спрятал в сумке молоток, а взамен достал хищный, похожий на коготь, ритуальный нож, сделанный все из того же металла. Присев на девушку верхом, жнец проколол себе палец. Зафиксировав ее голову, быстрыми четкими движениями начертал своей кровью

еще одну печать на лбу Агны. Та уже просто плакала, не пытаясь больше сопротивляться — обессилила. Отложенный нож вернулся в руку жнеца. Одно резкое движение, и клинок вошел точно между четвертым и пятым ребром слева от грудины так, чтобы остро заточенный кончик проник в центр сердца. Еще один болезненный стон со стороны девушки, и жизнь стала быстро покидать ее тело.

Жнец почувствовал, как его тело начинает «звенеть» от того потока силы, что непрерывно стал вливаться в его источник. Тихая Госпожа приняла душу ведьмы и наградила своего слугу за, так сказать, доставку преступницы на суд.

— Тварь была завязана на некромантку, — отстраненно, как сквозь подушку, услышал Курт объяснения графа войту и Зорану. — А так жнец получил много силы для борьбы с нежитью, снял удерживающий здесь дракона *якорь*, да еще и избавил Таал от колдуньи. Изящное решение.

Дальше Курт уже не слушал. Глянув последний раз в остекленевшие глаза преступницы, жнец поднялся и, выйдя на край площадки, подхватил свой посох. Пора приступать к основному этапу, да. Руны и линии чертились с необыкновенной легкостью. Начертав пять направляющих, сочащихся тенью, печатей вокруг оси посоха, Курт приступил к формированию *темного раскаяния*. Направив навершие посоха на *высшего*, жнец мысленно скомандовал наемникам отойти от твари и, дождавшись исполнения приказа, отпустил печать. Воины отскочили от твари. Направляющие печати соскользнули с посоха и выстроили своеобразный коридор для основной печати. Следом с навершия посоха сорвались три дымящихся тенью сгустка, размером с конскую голову каждый. Покружив мгновение над заподозрившим неладное драконом, сгустки впились в его тело с разных сторон, растворяясь в его теле.

Какое-то время ничего не происходило. Стражи стояли недалеко от твари, готовые в любой момент сорваться в круговерть схватки. Костяной дракон пытался, видимо, разобраться в своих ощущениях. Еще дюжина ударов сердца, и на «шкуре» Высшего вдруг стали появляться черные пятна. Печать развивалась, используя силы самой нежити, пожирая тварь изнутри. Из пятен выметнулись черные щупальца и принялись оплетать орущую, пытающуюся выпутаться, тварь. Довольно быстро дракон превратился в огромную черную шевелящуюся массу, которая скоро затихла.

Курт устало опустил руки, и стал неуверенно спускаться по направлению к твари. Что-то было не так, да. Вся эта масса должна была уже рассыпаться прахом. Но тварь держалась,

непонятно как. А сил больше не было, все полученное жнец влил в печать. Неужели недостаточно? Так, за размышлениями, Курт доковылял до нежити. *Печать познания* быстро завершила свою работу и Курт махнул Стражам. Пора возвращаться и думать дальше, что делать. Прав был священник, эта охота не закончится так просто. С такими мрачными мыслями он поднялся обратно на холм.

— Можете снимать щит, тер Салазар. Пока нам ничего не угрожает.

— Пока? — приор, как всегда, внимателен, хоть и сам измотан.

Курт присел на валун и огляделся. Тело уже убрали из круга и куда-то отволокли, однако на сам выжженный круг с печатью все старались не наступать. Теневые Стражи расселись недалеко от Курта прямо на траву и уже деловито занимались своими ранами. Граф и священник сидели на валунах напротив жнеца и сверлили последнего вопрошающими взглядами. Последнюю группу составили Михей и Зоран. Как бы они не относились к произошедшим событиям, старый и молодой воины старались держать себя в руках и готовили костер недалеко от пятна печати. Однако, тревожные взгляды бросали и они.

— Некроманты оказались хитрее, — повинился Курт. — Мне просто не хватило энергии, чтобы развоплотить тварь.

— Что пошло не так? — устало спросил Радомир. — И как мы будем действовать дальше?

— Агна была промежуточным *якорем*. Я даже удивился, с каким мастерством была проделана эта подстановка.

— То есть она не виновна? — угрюмо спросил Михей.

— Эта девушка участвовала в обряде. Добровольно. Она своими руками резала священников. Она завязала на свою душу призыв *высшего,* — Курт устало потер лицо ладонями. — Виновна, без всяких сомнений.

— Но на ней же следы ментального воздействия? — высказался и второй защитничек невинных дев, поеживаясь под обещающим взглядом дядьки.

— Похоже, что там лишь печать, немного усиливающая негативные стороны личности, — мудрено вступил в беседу тер Салазар. — Соучаствовала она, скорее всего, без принуждения, если не сказать обратного.

— Верно, — кивнул графу Курт. — И своим участием прикрыла наличие еще одного *якоря*.

— Это все не снимает вопрос о наших дальнейших действиях, — вставил отец Радомир.

— В моей печати было достаточно силы, чтобы упокоить

нежить, — Курт махнул в сторону черного холма с медленно шевелящейся, словно текущей, поверхностью. — Однако второй *якорь* позволил *высшему* удержаться на грани с небытием. Через какое-то время ящерица справится с печатью, а потом, чтобы её развоплотить, понадобится еще больше силы.

Курт устало посмотрел на пламя костра, над которым Зоран уже прилаживал котелок с водой.

— Часа через четыре, а может и пять, тварь очнется и сбросит с себя печать, — жнец изучающе покосился на небо. — Где-то к закату. Она очнется сильно ослабленной, но нам хватит. До того момента нам нужно решить, что делать. Так что вы пока поужинайте, а я пойду подумаю. Посоветуюсь, да.

— Мне кажется, что тут все очевидно, — тер Салазар, слегка насмешливо, посмотрел на жнеца. — Ты ведь понимаешь, что выбора то и нет?

— Хочется верить, что все-таки есть, — непонятно для всех, кроме графа, ответил Курт и поднялся с валуна.

Недалеко отойдя от поляны, жнец привычно подвесил в воздухе посох и присел рядом с ним, подогнув ноги. Уже через секунду компания, собравшаяся у костра, увидела, как Курт, не меняя положения, воспарил над землей и, похоже, отключился от реальности. Зоран, засыпав в котел с кипящим бульоном крупу, посмотрел на дядьку, избавившегося от большей части доспеха, и спросил:

— Дядь? А что там за история с Полем Крови?

Слав в ответ хмуро глянул на племянника, но промолчал.

— В самом деле, Слав, — произнес священник. — Расскажи, интересно же. Время еще есть, отвлечемся хотя бы.

Слав взлохматил волосы на затылке, несколько неуверенно покосился в сторону застывшего жнеца и, не увидев никакой реакции с его стороны, кивнул.

— Хорошо, я расскажу.

Глава 6

Слав.

Сигнальный рог вырвал его из беспокойного сна. Еще толком не проснувшись, центур[23] быстро нацепил доспехи и выскочил из своего шатра в предрассветные сумерки. Наскоро сполоснув лицо в стоящей рядом бочке, Слав направился в сторону плаца. Здесь уже выстраивалась его центурия[24], рядом с остальными. Легионеры ежились на утреннем предрассветном морозце и тихо крыли командование ласковыми словами, какие только могли вспомнить за всю свою буйную жизнь. От просола не отказались даже декаторы[25]. Но бубнили все, скорее, по привычке, ведь каждый легионер отлично понимал, для чего они все тут собрались. А собрались они тут для боя, который можно назвать безнадежным, и в огне которого, скорее всего, погибнут. И если повезет, то с честью.

— Выдвигаемся, — ожила *связная печать* на правой стороне грудной пластины голосом доминуса[26].

Слав поднял руку и, когда все его ведомые обратили на него внимание, подал знак к перестроению в походную колонну. Организовались солдаты быстро и четко, чего еще ждать от тертых вояк, прошедших и огонь и воду, и уже через десять минут центурия заняла свое место в общем строю. Через полчаса стальная змея легиона вышла на край просторного поля, лес на противоположной стороне едва виднелся. Колонна развернулась и бодро двинулась на север. Достигнув высокого, одиноко стоящего, холма легионеры рассыпались, чтобы спустя полчаса выстроится во множество квадратов на заранее подготовленные позиции лицами к недалекой, пересекавшей все видимое пространство в двух лигах от них, неширокой реке.

Перед боем Слав всегда старался «прислушаться» к окружающим его соратникам. Так сказать, почувствовать общий настрой. Общий настрой можно было выразить, как мрачную решимость. И центур был солидарен со своими солдатами, потому что на занимаемые ими позиции надвигался экспедиционный корпус остроухих. А это десять тысяч отменных, веками шлифующих свое мастерство воинов, каждый из которых сильнее, быстрее и выносливее хорошо тренированного человека. Да еще и считающие мерзких хуманов чем-то, сродни крысам. Вчера вечером солдаты допоздна сидели у костра и расспрашивали гонца, приехавшего из столицы. А потом слушали

его рассказы и тихо зверели. Молодой мальчишка, едва отпустивший первые жиденькие усы, рассказывал спокойно и подробно. Вот только лишенный эмоций тон и едва сдерживаемая ненависть в глазах создавали сильный контраст, заставляющий легионеров верить в поведанное и бессильно сжимать кулаки.

Парень рассказывал, как в составе клина разведчиков проезжал мимо нескольких деревень, которые ранее посетили остроухие. Везде была одна и та же картина: жителей просто казнили. А перед смертью некоторых подвергали пыткам, просто так, ради развлечения. Ибо заподозрить крестьянина в утаивании каких-либо военных или государственных секретов довольно сложно. Он рассказывал о пирамидах, сложенных из отрубленных голов жителей на центральных площадях, о прибитых кинжалами к бревенчатым стенам женщинах, о тренировочных стрельбищах, где мишенями служили маленькие дети. А еще об отсутствии в опустошенных селениях детей постарше, так как именно такие дети считались лучшим материалом у эльфийских химерологов.

Вот, наслушавшись таких историй на ночь, солдаты и были настроены стоять насмерть. Почему легионеры собирались умирать? Потому что наверху проворонили конкретно этот корпус остроухих выкидышей, а потом в спешном порядке стянули к образовавшейся «стратегической дыре» то, что было в наличии. В наличии же был первый легион и седьмой. И если седьмой был обычным пехотным[27] легионом, то первый состоял из прославленных в битвах… старперов, удостоенных чести облачиться в посеребренные латы и сверкать ими в столице на всех более-менее значимых мероприятиях. Воины они, конечно, отменные, но время их не пощадило. Вот и получалось, что на десять тысяч эльфов приходилось около двадцати тысяч легионеров, половина из которых откровенно слаба. Есть причины для меланхолии…

Слав отвлекся от тяжелых мыслей и окинул позицию центурии. Каре[28] его центурии расположили на правом фланге, напротив одного из широких бродов во второй линии. Перед ними стояла центурия «серебряных», сразу за жидким заслоном из вкопанных рогатин. Правый фланг комитета по торжественной встрече листоухих, где и находился Слав, частично находился в пойме Быстрины, что позволяло наблюдать за грядущим полем боя через головы сребролатых.

— Решили принять на себя первый удар, — прогудел стоявший справа опцион[29] Лад, по прозвищу Молот, кивнув на посеребренных воинов.

— Пусть их, — ответил Слав. — Они же не всю жизнь носили эти блестящие цацки.

Лад утвердительно хмыкнул.

— Противник! — доминус снова использовал *связную печать.*

Легионеры напрягли глаза, чтобы увидеть, как из рощицы между двумя холмами на противоположной стороне поля вынырнула голова колонны корпуса остроухих. Первые лучи светила забликовали на начищенных доспехах противника. Эльфы, предупрежденные своей разведкой, с ходу начали разворачивать боевые порядки. Глядя на четкие, как будто отрепетированные, действия врага, Слав недовольно дернул уголком рта.

— Как на параде, — тут же отразил мысли друга Лад. — Вот смотришь на это, и прямо таки начинаешь чувствовать себя неполноценным.

Теперь настала очередь Слава утвердительно хмыкать. Эльфы, между тем, неторопливо, но и не медля понапрасну, заканчивали перестроение. Уже всколыхнулись тонко вышитые знамена над занявшими позиции отрядами.

— Похоже, в центре сегодня будет жарко, — Слав кивнул в сторону небольшой рощицы, неожиданно выросшей на той стороне реки, значительно левее их позиций.

— Древни[30], ети их конем! — Возмутился опцион и, переведя взгляд на кавалеристов, осаживающих разгоряченных единорогов напротив их собственных позиций, угрюмо продолжил. — Да и нам будет нескучно.

Опцион отвлекся, передавая двухсаженную пику в сторону серебряных легионеров. Доминус тоже обратил внимание на эльфийскую кавалерию на том берегу, и теперь легионеры передавали спешно доставленные из обоза пики по цепочке в первые ряды.

— Легион, внимание! — Теперь заговорили вообще все *связные печати*, видимо сейчас они услышат обращение имперского легата[31]. — Сегодня я хотел бы обратится к вам, солдаты, не как командир, а как обычный человек. Вы все знаете, что затеяли эти твари, стоящие сейчас против нас. Войну на уничтожение, вот что. Если мы сегодня не остановим листоухих, то уже завтра в Тирге[32] будет бойня!

Ну, тут командующий, конечно, покривил душой. Столица отнюдь не беззащитна, однако продержится ли она до прихода помощи — тот еще вопрос.

— Эти ублюдки уничтожают всех поголовно, а в живых оставляют только тех, кого потом пустят на опыты, — продолжал легат усталым голосом. — Хотите ли вы такой судьбы для своих родных, друзей, близких?

По рядам солдат волнами пронеслись слова отрицания,

большинство уже втянулось в речь легата.

— Мы должны стоять насмерть, чтобы не допустить длинноухих ублюдков к нашим семьям. Выбросим их с нашей земли! За императора!!

— За императора!!! — прогремело над полем. В тот же миг загудел легионный горн, басовитый рев которого, хоть и не казался громким, пробирал до костей. Над центуриями стали подниматься сигны[33], воины ощетинились оружием. Легионы были готовы встретить противника и дать отпор.

Горну вторили звуки рожков с той стороны реки. Эльфы начали движение, как будто дожидались окончания речи легата. Не спеша пересекли брод и, перестроившись в *лист*[34], начали разгон в лоб правому флангу легиона. Между единорогами заметались какие-то тени и через мгновение из плотного строя кавалеристов выметнулись невероятно шустрые, как будто сшитые из случайных частей, твари. Слав мрачно сплюнул, было ожидаемо, что перворожденные будут использовать химер, но надежда, как говориться, держалась до конца. Теперь точно солоно придется. Сребролатые, между тем, установили пики, уперев те пятками в землю, и приготовились горячо встретить гостей. Над легионерами с легким хлопком развернулся защитный полог, маги не спят. Пора и его центурии сбросить сонливость.

— Первые два ряда — стена щитов, — щелкнув по *переговорной печати*, скомандовал Слав. — Остальные — дротики.

Не похожие друг на друга твари, покрытые местами чешуей, шерстью, костяными пластинками или просто кожей, вызывали, скорее, брезгливость. А когда те приблизились, и стало возможным разглядеть налитые кровью глаза и острые треугольные зубы на вполне человеческих — детских — лицах, то к брезгливости добавился коктейль из ярости и жалости. В теле появилась острая необходимость порвать пару прекрасных эльфийских рож. Рядом скрипнул в ярости зубами и зашевелился Лад, доставая из-за плеча пилум и привычно взвешивая его в руке. Слав не стал отставать и, не отрывая глаз от приближающихся тварей, достал свои дротики. Еще не время, нет, нет, еще немножко, пора!

— Харра[35]! — Рявкнул Слав, одним слитным движением метнув дротик.

— Харра!! — поддержали его легионеры, а следом за его центурией отстрелялись и соседи.

— Еще один! — следующая команда центура не заставила себя ждать. — Харра!

Две волны дротиков с зазубренными наконечниками сильно

проредили массу тварей, несущуюся во весь опор к человеческим позициям, превратив некоторых из них в ежей. И все же около половины достигло первых рядов и повисли на пиках, часть осталась на рогатинах, а остальные бестии были остервенело изрублены вояками из первого легиона, собрав, однако, богатую жатву среди легионеров. Как бы то ни было, а свою задачу химеры выполнили, обломав большую часть рогатин и пик. И хотя первый ряд быстро затянул прорехи, отбиваться от кавалерии было уже нечем.

— Приготовились! — Оставлять бой на самотек Слав не собирался. — Харра!

Третья, и последняя, волна дротиков впечатляющего результата не принесла, почти все были отклонены личными щитами наездников на единорогах. Пострадало несколько зверюг, сбросивших своих остроухих, да и только.

— В щиты! — Успел выкрикнуть Слав, прежде, чем раздался грохот врубившихся левее их позиции кавалерии. Эльфы прошли четыре линии, а потом, неожиданно для себя, застряли.

— Это вам не крестьян резать, — злорадно пробормотал Лад, а затем крикнул. — Покажем узкожопым, как бьются легионеры! За императора!

— Харра!! — ответила центурия, и воинов закрутил водоворот жаркой битвы.

Вскоре оказалось, что Слав бьется в первых рядах. Рядом гулко ухал Лад, обрушивая свой чудовищный молот на врагов. Во фланг увлеченно рубящимся эльфам ударили аларии[36], довольно результативно. Но вдруг эльфы ослабили напор и откатились, а следом с неба раздались раскаты грома — лопнул защитный купол.

— В рассыпную, на пятерки! — Среагировал Слав. Похоже, что Legio Magus[37] пришла амба. Вовремя рассыпаться догадались далеко не все. Кто-то из центуров просто не успел среагировать на изменение обстановки, а некоторые так увлеклись сечей, что ринулись вслед за отступившей кавалерией, угодив прямиком в ловушку. Поэтому ударившие с неба столбы огня, молниии гигантские камни сжигали и давили легионеров десятками, напрочь игнорируя слабенькие защитные печати на доспехах. Кое-где из земли торчали гигантские ледяные и обсидиановые лезвия, окрашенные теплой человеческой кровью. В считанные минуты от правого фланга осталось меньше половины бойцов. Гибель такого количества товарищей за столь короткий промежуток времени сильно снизила боевой дух легионеров. Теперь во взглядах, бросаемых на врага, все чаще читалась обреченность и растерянность. Эльфы снова пошли в

атаку, рассекая побитые ряды деморализованных легионеров. В ход пошли личные магические умения перворожденных и артефакты. Многие отряды попали в окружение, чтобы быть полностью вырезанными под аккомпанемент насмешек со стороны врагов, уже празднующих победу. Добивающий удар нанесли химеры, снова появившиеся среди единорогов.

— Сейчас разделают нас, а потом ударят во фланг центру, суки, — Лад не скрывал досады.

— Богдан, — двойной щелчок по *печати* связал Слава с командованием. — Командир, нас скоро сомнут! Нужно подкрепление!

Какое-то время ничего не происходило, секунд десять, показавшиеся центуру и его опциону вечностью. Потом *печать* неожиданно ожила.

— Это легат. Доминус погиб. Нет больше Богдана, — в хриплом голосе легата звучала усталость. — Резерв отправлен на поддержку центра, так что обычной помощи можете не ждать. Но кое-что мы уже придумали.

— Ырдец, — поделился со Славом своим видением ситуации ошарашенный Лад.

— Выбиты вообще все офицеры на правом фланге, кроме тебя и твоего опциона. А потому, принимай командование, центур, — лязгнул металлом голос легата. — Слушай приказ. Удерживайте позицию до подхода подмоги. И постарайтесь выжить, Слав.

— Остается только продать свои жизни подороже, — ответил на ожидающий взгляд опциона Слав и щелкнул по *связной печати*. — Всем! Собраться в кулак! Черепаха!

Окружающие легионеры, центурий пять навскидку, сгрудились вокруг отряда Слава, перестроились и, подняв щиты, ощетинились мечами. Длинноухих перспектива терять свои неприлично продолжительные жизни на клинках легионеров не порадовала, однако нового магического удара не последовало. То ли повелители стихий выдохлись, то ли их перебросили на другой участок битвы, то ли остроухие решили, что справятся и сами. Вокруг черепахи закружилась карусель из верховых лучников, а лучники у эльфов превосходные. То тут, то там из строя выпадал подстреленный легионер. Время от времени в ряды обороняющихся заскакивала химера и, прежде чем умереть, уносила с собой десяток жизней. Самое паршивое в этой ситуации было то, что добраться до эльфов не получалось, те блюли дистанцию, не давая слаженно двигающимся легионерам ни шанса.

Слав уже решил идти на безнадежный прорыв, только бы не ждать смерть, ничего не предпринимая, когда в рисунке боя что-

то неуловимо изменилось.

— Чего они там лепечут? — поинтересовался Слав у Лада, который на офицерских курсах полевого допроса справлялся с эльфийским гораздо лучше, чем командир.

— Egloth, egloth… Что-то знакомое, — ответил опцион утомленным голосом. — О! Проклятый. К чему это они?

Кольцо вокруг легионеров стало разжиматься, когда мелодичные реплики эльфов сменились не менее мелодичным хором агонизирующих воплей. Где-то недалеко, но за мечущимися единорогами не видно, только что ушло в Тень множество перворожденных душ. И судя по звукам, ушло очень болезненно. Только облако пепла взметнулось над заметавшимися в беспорядке верховыми лучниками. Слав упустил момент, когда на одном из единорогов, почему-то застывшем статуей, появился новый пассажир. Стоя обеими ногами в полный рост на неподвижном крупе, одетая в темный плащ человеческая фигура держала на отлете странную черную косу с дымчатым лезвием, а рядом медленно заваливался остроухий наездник. Отдельно от своей головы. Окутанный темной полупрозрачной дымкой маг не спеша направил навершие косы в сторону от легионеров, и что-то гортанно произнес. Взметнулась послушная тьма и в рядах эльфов образовалась настоящая просека, шириной саженей шесть, на противоположной стороне которой можно было увидеть реку. В какие-то несколько мгновений, под предсмертные вопли, издаваемые мелодичными эльфийскими глотками, заживо сгнило столько врагов, сколько не убила вся центурия за весь бой. Слав понял, что в воздухе кружится не пепел, а прах, и хищно оскалился.

— Жнец! — со злым восхищением выдохнул он.

— Не иначе — Провидение, — проговорил Лад. — Выживу — сделаю приличное пожертвование в храм.

Жнец, тем временем, продолжал методично, с какой-то скукой в движениях, гвоздить ряды остроухих волнами тьмы, сгнаивая бессмертных сотнями. А когда те попытались организовать контратаку, то на пути единорогов выросла стена огня, спалившая еще пару десятков долгоживущих. После того, как рядом со жнецом в воздухе с характерным хлопком материализовалась охваченная огнем точеная фигурка девушки, Слав понял, что героическая смерть пока откладывается. Жнец в паре с повелительницей огня зададут перцу листоухим ублюдкам.

— Легион, в атаку! — Команда центура подняла волну бешенного энтузиазма. Оставшиеся на ногах легионеры встрепенулись и резво двинулись за своим командиром правее атакующих магов, поднимая на клинки опешивших эльфов. Это

оказалось последней каплей, и остроухие стали спешно отступать к своим позициям за реку.

Слав же, оставив потрепанных воинов на опциона, отправился знакомиться с неожиданно, но так вовремя, подоспевшими магами.

Глава 7

Слав.

Слав шел по полю, то и дело огибая тела легионеров, и мрачнел. Бушующая ярость боя отступала, и осознание ситуации все более вгоняло его в безысходность. Битву они проиграли, правый фланг не сдюжил. И хотя сейчас легионеры получили краткую передышку, надеяться особо не на что. Даже неудобный для эльфийской защиты жнец не сможет в одиночку перебить хребет листоухим тысячам. Выдохнется и погибнет от истощения. И нельзя сказать, что Слава так уж волновала собственная гибель. Его раздражало собственное бессилие, ведь покоряться судьбе он даже и не думал. Но что можно противопоставить перворожденным ублюдкам, он не представлял.

За этими невеселыми раздумьями центур добрался до мирно беседующих магов, и взгляд его уперся в упругую, плотно обтянутую шелковой сорочкой, идеальную грудь. Слав сглотнул и с усилием, похоже кровь еще продолжала бушевать, перевел взгляд на лицо девушки. Лучше не стало, потому что лицо, по мнению Слава, было прекрасно. Обрамленное рыжими локонами, гармоничное и очень красивое. Сапфиры глаз мельком прошлись по центуру, а спелые вишни губ слегка улыбнулись. Слав судорожно, не зная куда девать взгляд, стал беспорядочно водить им по фигурке магини, и постоянно натыкался на пикантные обводы, так надежно укрытые одеждой, что фантазия только разгоралась. Положение спас жнец, громко кашлянув. Страхолюдный вид жнеца подействовал на буйную голову, как ведро ледяной воды. Слав, бросив благодарный взгляд в ответ на понимающий от темного мага, смог, наконец-то, прислушаться к разговору повелителей стихий.

— И все же, жнецы предназначены для борьбы с некромантами и нежитью. Как Тихая Госпожа допускает твое участие в этой… — девушка покрутила изящной ручкой в воздухе, пытаясь подобрать подходящее слово. — Авантюре?

— Если кто-нибудь, не будем показывать пальцем, вспомнит, да хотя бы, курсы храмовой школы, — проталкивая шипящие звуки через частокол игольчатых зубов, ответил жнец. — Уж не говоря об истории религии в академии. То этот кто-нибудь поймет, что Госпожа, хоть и относится к Возвышенным, в свое время вышла из человеческого рода. И помогать своим, хоть и бывшим, родственникам зазорным не считает, да.

— Кхм! — решил вмешаться Слав в неторопливую дискуссию. — Приветствую доблестных Legio Magus.

Распознать в его голосе сарказм смог бы даже глухой от рождения, так бодро тот сочился. Хоть на хлеб мажь.

— Я слышу твою претензию, центур, — прошипел жнец. — Но принять ее, к сожалению, не могу. Мы не из легиона. Все дело в том, что ваша разведка обосралась дважды. В первый раз проворонила экспедиционный корпус. Второй — когда не поняла, что это не корпус вообще.

Слав впал в легкий ступор. Жнец и повелительница огня, тем временем не спеша направились в сторону отдыхающих легионеров.

— Здесь собралась свита светлого перворожденного князя из дома Серебряной росы, — мелодичное сопрано девушки бальзамом лилось на уши центура, развеивая его невежество. — А там маги, не чета легионным. Раскатали ваш Legio Magus в тонкий блин.

— Кто же вы такие? И как здесь оказались.

— Приглашенные специалисты, — прошипело справа.

— Ага, — вторили слева колокольчики. — Мимо проходили.

Обойдя очередной завал из мертвых легионеров с редкими вкраплениями эльфов и химер, жнец снова подал голос:

— Ну раз мы во всем разобрались, то позвольте представиться. Курт Иней, магистр стихии смерти.

— Цветана Огненная, повелительница пламени.

— Слав. Центур седьмого легиона. — проговорил солдат. — А вы, значит, обещанная легатом не совсем обычная подмога.

— Ну да, — кивнул жнец. — И идеи, как переломить ход сражения в нашу пользу у меня есть.

За несколько саженей до подавленных легионеров их компанию остановил Лад и, бухнув кованным кулачищем о нагрудную пластину, доложил:

— Центур. Выжило пять сотен и три дюжины легионеров. Из них тридцать четыре раненных. Трое тяжело. Один при смерти. Остальные ждут приказов.

Жнец молча поманил офицеров за собой и присел возле одной из отдыхающих групп легионеров. Дождался, когда Слав присядет рядом и прикоснулся к его *связной печати*.

— Сейчас делаем вид, что ничего не происходит и слушаем меня, — прошипел жнец. По тому, как дернулись некоторые из солдат, Слав понял, что жнец перехватил чары *связной печати*.

— Так вот, господа легионеры. Хочу сообщить вам свое экспертное мнение. Мы в жопе, да, — колдун переждал приглушенный ропот и продолжил. — На том берегу сидит кучка

остроухих мужеложцев. И ситуация складывается так, что они нас скоро поимеют.

Нарастающий бубнеж прекратил Слав, просто приказав легионерам заткнуться.

— Однако легат попросил меня вам помочь, и вот я тут. И у меня есть идея, как, наоборот, поиметь древолюбов, и дать каждому из вас не просто призрачный шанс выжить, но и принести победу своим товарищам, — жнец смочил горло из фляжки. — Но для этого требуется ваше, так сказать, принципиальное согласие.

Жнец устало потер лицо и продолжил:

— Вас учили действовать, как настоящих солдат. И вам всегда говорили, что не надо думать, надо исполнять приказы. Я же считаю, что думать вам действительно не стоит, да. Некогда сейчас.

Уже через несколько минут декаторы доложились о готовности легионеров к сотрудничеству. Ну в самом деле, чего думать-то, когда и выбирать-то особо не из чего.

— Цветана, будь добра, прикрой нас от любопытных, — прошипел жнец.

Повелительница огня поднялась, между выставленных перед шикарной грудью ладоней сверкнула пламенная *печать*, а следом вокруг стоянки легионеров закружился воздух, как от сильно нагретых камней. Вроде бы и видно, что что-то происходит, но так размыто, что детали не разглядеть, как не старайся. Дальше жнец попросил расчистить площадку саженей в три, а затем отправил выделенные Славом четыре клина в Тихой Госпоже известном направлении. За ресурсами, сказал. Остальные занялись перевязкой, приведением снаряжения в порядок и подготовкой раненных к предстоящему неизвестному обряду, который, по словам темного, должен был помочь в битве.

Рядом со Славом, на краю расчищенной площадки образовалась Цветана, и стала с неприкрытым любопытством смотреть на работу жнеца. Тот, в свою очередь упер посох в землю и положил на него ладони. Спрятав под капюшоном чувствительные сейчас к свету глаза, жнец завел непонятный речитатив. С навершия посоха соскользнул сложный, мерцающий гнилушечным цветом рисунок. *Печать* рывком разрослась в размерах и, расположившись горизонтально, с хлопком впечаталась в землю. Нахмурившись, Курт стал медленно обходить *печать*, и поправлять что-то, проводя над мерцающими линиями посохом. В конце концов удовлетворившись увиденным жнец выпрямился и стал увлеченно рыться в своей сумке.

— Что происходит? — обратился центур к единственному

доступному специалисту. Может и ответит. Да и просто поговорить с красивой девушкой приятно.

— Не совсем понимаю, — очаровательно хмуря лобик ответила девушка. — Тут и жертвенных кругов штуки четыре, и проход на иные планы, и защитные контуры. А вон там балансиры к точкам напряжения. Мастер печатей за работой — это так увлекательно!

Энтузиазма Цветаны Слав не разделял, но дальнейший разговор прервался появившимися клиньями, каждое из которых тащило по оглушенному эльфу. К одному из листоухих Курт проявил особое внимание, быстро начертав на лбу того какой-то рисунок.

— Повезло Курту, — протянула Цветана. — Маг попался. Много энергии получит.

— А почему он так выглядит?

— Курт то? — уточнила девушка. — Нормально он выглядит. Просто он на половину находится в Тени, во владениях Тихой Госпожи, и его обычный вид искажен для посторонних наблюдателей. Иллюзия. То же и с голосом, слышишь же — шипит как гадюка, которой на хвост наступили.

— А зачем он, ну…

— В Тени? Так ему легче проводить обряды. Находится в боевой готовности, так сказать.

Легионеры сноровисто разложили на *печати* листоухих, в соответствии с указаниями жнеца. Тот, в свою очередь, быстро прибил конечности эльфов прямо к рисунку поблескивающими зачарованными гвоздями. Затем, пройдясь по жертвам, перерезал им шейные жилы когтеобразным ножом. Потом подвесил посох на воздух около дальнего края *печати* и затянул песнопение. На этот раз обряд давался жнецу тяжело. И без того бледное лицо осунулось еще больше, из темных провалов глаз, носа и рта потекли ручьи черной крови. Однако жнец не дрогнул, и только завершив то, что хотел, бессильно опустился рядом с посохом.

— Прошу. — замученно прохрипел-прошипел маг. — Вот из той точки, туда. И не мешкайте.

Легко сказать. Вот вроде все уже согласились, но смотря на непонятный и страшноватый ритуал, у многих, и у центура в том числе, заворочались сомнения.

— Нужно идти, Слав, — заглянула центуру в глаза красотка. — Не дай пропасть нашему шансу на победу.

Иногда бывают моменты, когда мужчина просто не может отказаться. Встряхнувшись, Слав решительно шагнул к началу нарисованного коридора и сделал по нему пару шагов. Вокруг все застыло, пропали звуки, мир потерял краски, потемнело. Налился

ядовито-желтым цветом рисунок под ногами, только сидящий на земле справа жнец не потерял ни в четкости, ни в подвижности.

— О, кто к нам пожаловал. Сам отважный центур, — Слав перевел внимание со жнеца на появившуюся перед ним женщину. И если Цветана была красива необычной, броской красотой пламени или яркого цветка, то Тихая Госпожа, а Слав не сомневался в том, что перед ним Возвышенная, таила в себе неброское совершенство. Совершенство, которое не увидишь при беглом взгляде, однако стоит чуть приглядеться, и глаз уже не оторвать. Длинные прямые черные волосы ниспадали каскадом за спину женщины. На аристократически правильном лице, изображавшем сейчас легкую заинтересованность в собеседнике, выделялись большие темно-серые глаза, обрамленные красиво очерченными бровями и длинными ресницами. Мягкая улыбка проявляла ямочки на щеках. Округлый подбородок завершал идеальную форму лика Возвышенной. Длинная шея, украшенная ожерельем из дымчатых камней, изящные тонкие руки, линия декольте — все было гармонично. Соразмерная фигура была обтянута шелком темного платья, которое сливалось с окружающим фоном.

— Приветствую, Тихая Госпожа, — наконец смог разлепить непослушные губы Слав.

— И тебе привет, — улыбнулась та более открыто, останавливаясь в двух шагах от центура. — Ты действительно хочешь присягнуть мне?

— Я пока не знаю, — растерянно ответил офицер. — Маг ничего не объяснял.

— Ну что ж. Исправим это упущение, — женщина мягко провела рукой по грудной пластине доспеха, заставляя учащенно биться сердце мужчины. — Я предлагаю тебе, отважный Слав, вступить в ряды Теневой Стражи. Дам тебе некоторые способности и вложу знания о том, как их использовать. Это, возможно, позволит тебе выжить. Или даже победить.

— Заманчиво, — едва выдохнул Слав, заворожено глядя в серые очи. — Но слышал я, что все не просто так.

— Верно. Все имеет свою цену. — улыбка женщины стала озорной. — После смерти отслужишь в моих владениях Стражем еще лет пятьдесят, пойдет?

— А если выживу?

— До смерти будешь жить так, как скажет тебе Курт. Ну или другой, на кого укажу.

— А потом еще пятьдесят лет?

— Да. Контракт? — Тихая Госпожа протянула руку.

Слав аккуратно принял нежную ладошку в свою лапищу, еще

раз утонул в омуте серых глаз и уверенно произнес:

— Контракт.

— Встань на колено, воин.

Когда Слав выполнил просьбу Возвышенной, та положила ему свою прохладную ладонь на лоб, а затем легионер провалился в поток знаний и образов, которые стали быстро вливаться ему в голову. Когда он очнулся, образ Госпожи уже истаивал в тенях.

— Выживешь, подарю тебе зачарованный доспех, обещаю, — произнес голос Госпожи из теней. — А пока иди, и не подведи меня, Страж.

Слав поднялся на ноги, оглянулся на безучастного жнеца и, когда тот кивнул, продвинулся по нарисованному коридору дальше. Тень отступила, появился свет, звуки, движения. Как будто центур провел внутри печати не прорву драгоценного времени, а мгновение. Сощурившись на яркое солнце, Слав кивнул Ладу на рисунок. Опцион бодро зашагал по *печати*, дрогнул в середине рисунка и вышел с другой стороны.

— Построились к началу пути, — скомандовал Слав. — Сначала заносим раненных.

— Ты тоже ее видел, — приглушив голос произнес Лад.

— Да, — центур как раз следил, как двое легионеров, раненный и здоровый, заходят на тропу.

Миг, и вот уже двое совершенно здоровых Стражей сходят с другой стороны *печати*. Увидев такое, легионеры сразу образовали очередь, и стали споро проходить обряд, не забыв протащить с собой раненных. Однако не все шло гладко. Семеро легионеров из пяти центурий до конца печати не дошли, умерев в ее центре под безразличные комментарии жнеца: «предатель», «трус», «недостоин». Что не остановило остальных, и уже через десять минут все легионеры прошли обряд. *Печать* вспыхнула и пропала. Жнец поднялся, начертал между ладоней какую-то белесую гадость, своим обострившимся зрением Слав прекрасно видел все линии и смог «почувствовать» гадостный привкус энергии в *печати*, а затем просто метнул ее в сторону эльфийских порядков. Комок, летя по навесной траектории, развернулся в белесую, едва видимую сеть, а затем накрыл отступивших за реку древолюбов. А те даже ушами не повели.

— Чтоб нескучно было, — пробормотал жнец и принялся сплетать новые печати, угольно черные, которые стали бодро разлетаться по полю боя, выпадая черной пылью на особо большие завалы из тел.

— Все, я пуст, — устало прошипел жнец. — Древолюбы зашевелились, почувствовали наконец, что тут происходит. Теперь слушаем сюда, буду излагать план.

Легионеры дружно повернулись к своему новому господину.

Глава 8

Элирувиель. Князь дома Серебряной Росы.

Князь сидел за столом под навесом и с меланхоличным видом помешивал ароматный травяной отвар в изящном бокале резной ложечкой. Такая показная невозмутимость давалась князю легко, все же его жилы наполняла благословенная кровь череды поколений перворожденных аристократов, многие из которых еще не ушли с лика Таала. А вот внутренний мир совершенного князя был осквернен пошлым раздражениям, которое мешало острому уму мыслить верно и отчетливо.

Нынешний бой должен был стать одним из маленьких триумфальных кирпичиков на пути к величию Высокого народа. Все было продумано до мелочей. Проведена разведка, дезинформация противника, организованы отвлекающие маневры. Даже эта битва должна была пройти по сценарию перворожденных. Но, как говаривал один знакомый друид, не срослось. Мало того, что грязные хуманы держались неожиданно стойко, видимо слухи о невинных развлечениях Высокой молодежи в окрестных селищах уже дошли до легионеров, с этим можно было справиться. Но вот появление демонового egloth, не предусмотренного ни одним из планов, поставило операцию на грань срыва.

Как же все красиво начиналось. Еще немного, и кавалерия Высокого народа додавила бы червей из правого фланга хуманской армии, а потом врезалась бы в центр, с ходу его разметав. Элирувиель раздраженно почесал запястье. Теперь же нужно решать, продолжать бой, приведя операцию к логическому завершению, или отступить, не рискуя драгоценными жизнями соплеменников. Проклятого то они уничтожат, но без должной подготовки цена будет высока.

Пока светлый князь раздумывал над дилеммой, наслаждаясь попутно богатым букетом отвара, ситуация на поле боя изменилась, и выбирать стало уже нечего. Началось все с того, что под навес торопливо, но сохраняя достоинство, зашел адъютант князя.

— Пресветлый, — звонко прозвучал мелодичный голос Азираэля, сводного брата по отцовой ветви и, пожалуй, единственного, кого Элирувиель мог назвать другом. — Друиды обеспокоены. На том берегу происходит что-то плохое.

Князь поскреб зудящее запястье и направил взор на куцую

группку хуманов, оставшуюся после прошлой атаки на поле боя. И ничего толком не увидел, так как полуживотных скрывала чародейская пелена из разогретого воздуха. Тогда перворожденный, ощущая нарастающее смутное беспокойство, присмотрелся уже *внутренним взором*. Перебрав все доступные спектры, и ничего не поняв, эльф закрыл глаза и попытался вчувствоваться в окружающий мир. И тут же почувствовал, как в Тень уходят души четверых Высоких сородичей. Уходят страшно, являясь ресурсом для какого-то мерзкого ритуала. Да как этот червь посмел! Тлеющее раздражение взорвалось яростью.

— Мы выступаем, — остервенело почесав руку, приказал князь. — Похоже этот проклятый совсем зажился. Нужно его укоротить на голову.

Почесывающий плечо адъютант был полностью согласен со своим князем. Почесывающий. Князя пробил озноб. Высокий народ, в отличие от хуманов, не чешется. Элирувиель медленно, но уже понимая, что ничего хорошего не увидит, опустил взгляд. На запястье находилась безобразная черная язва. Пока небольшая, но то ли еще будет. Судорожно перейдя на *внутренний взор* стал изучать свои энергетические каналы в области поражения. К однозначному выводу он пришел совместно с изучающими его самого друидами.

— Он умудрился наслать на нас проклятье, — прорычал князь. — Этот скот проклял нас! Как вы это проглядели?!

Не слушая нелепых оправданий князь выскочил из под навеса и начал сыпать приказами. Так или иначе, но в его распоряжении еще оставалось две тысячи кавалерии, которая раздавит полсотни низших и еще добавки попросит. Даже egloth не поможет хуманам. А проклятье явно не снимется, пока чернокнижник жив. Не смотря на спешку и эльфийскую выучку быстро собрать двухтысячный отряд не получилось. Поэтому, когда ведомая князем кавалерия Высокого народа пересекала речушку, хуманы уже закончили свои мерзкие дела и выстроили жидкий строй для встречи перворожденных, пряча проклятого и огненную чародейку где-то за своими спинами.

Выйдя на оперативный простор, перворожденные воины устремились в бой. *Лист*, ведомый Кирлеидином, одним из сенешалей дома, отделился от основного строя и стал на высокой скорости огибать горстку хуманов, легко прорываясь через лежащие груды тел. Вдруг что-то произошло, и вместо стройно скачущих в атаку рядов побочного отряда образовалась все увеличивающаяся куча из павших, истошно ржущих, единорогов и эльфийских воинов. Послышались обеспокоенные крики сородичей, замелькали зачарованные клинки, стрелы и частые

вспышки заклинаний. Элирувиель придержал своего единорога и присмотрелся.

— Гули! Мерзкий некромаг! — возмутился Азираэль. — У нас тоже гости!

Перед князем зашевелились устилающие поле тела падших легионеров, эльфов и химер. Трупы хватали скачущих единорогов, летящих с них эльфов, образовывали заторы и навязывали схватку. В целом, недавно поднятые твари сильными противниками не были, но они не чувствовали боли и страха и не обращали внимания на повреждения, стараясь во что бы то ни стало добраться до теплой крови перворожденных. В какой-то момент лишившийся своего единорога князь понял, что прорыв захлебнулся. Добраться до вожделенной глотки проклятого быстро не удастся, и это наполнило сердце Высокого черной злобой.

Спешившиеся эльфы уверенно теснили нежить, когда в схватку вступили новые силы. Легионеры, прикрывающие жнеца, выждали удобный момент и ринулись в бой. Радость князя увяла в тот момент, когда он понял, что эти существа хуманами уже тоже не являются. Врубившиеся в строй легионеры были слишком быстры и сильны для обычных низших. И если нежити перворожденные противостояли без потерь, то тут пошел размен жизней. И не в пользу Высоких. Бледные, ощерившиеся игольчатыми зубами, легионеры собирали богатую жатву прежде, чем затихнуть на зачарованных клинках. А когда со стороны отряда Кирлеидина донеслись предсмертные вопли сородичей, а в воздухе запахло тленом, князь понял, что в бой вступил и жнец.

Жаркая сеча разделила князя с братом. Элирувиель, под прикрытием десятка телохранителей, вырвался из битвы и неожиданно оказался перед проклятым. И растянул губы в обещающей хищной улыбке. Egloth выглядел плохо, истощенно. Значит колдовать не сможет. Что ж, ему же хуже. Жнец тоже увидел князя, ощерился и, ловко заведя косу за спину, поманил эльфа свободной рукой. Крутанув клинок, князь бросился в атаку. Зачарованное лезвие почти достигло шеи мага, когда на его пути выросло сотканное из дыма лезвие косы. Раздался треск, не похожий на звук столкнувшихся клинков. Разошлись.

— Что, древолюб, — прошипел жнец. — Решил лично поиграть в солдатиков, да?

— Я вырву твое сердце, проклятый!

Князь, скрипнув зубами, запустил в проклятого *каплю яда*. Однако безотказная прежде *печать* не сработала, чем неимоверно поразила перворожденного.

— Ну ты же не думал, остроухий, что я подсадил вам простую

почесуху, — глумливо произнес жнец. — Колдовать ты теперь не можешь, да.

Князь быстро огляделся. Слева трое его телохранителей сдерживала огненная чародейка, ловко чередуя *печати* и тяжелую шпагу. Справа тем же самым занимались трое измененных легионеров. Помощи ждать неоткуда, а сбежать не даст эта темная тварь. Перворожденный направил меч на мага, и ринулся в атаку. На удивление, жнец оказался крепким противником. Несколько нанесенных эльфом ран ничуть не замедлили темного. Мало того, он успешно отбивался от княжеских атак своей неудобной для противников косой. И даже нанес князю несколько длинных порезов, когда Элирувиель заподозрил неладное. Пара ударов вполне могла закончиться смертельно, себе-то эльф врать не любил, но в последний момент проклятый проводил смертоносное лезвие по касательной. Перворожденный разорвал дистанцию и присмотрелся к ранам. Раны были бескровные и черные, как язва на руке, и складывались в необычный рисунок. *Печать*! Этот урод хочет его заколдовать! А в следующее мгновение князь понял, что тело ему больше не подчиняется.

— Дозрел, да, — в шипении проклятого звучал задор и удовлетворение. — А теперь иди, и убивай своих ублюдков, пока они не закончатся. Потом возвращайся. А чтобы тебе не было скучно, оставлю-ка я тебе сознание. Все, пошел!

И князь пошел. Трудно выразить ту боль, скорбь и чувство собственного бессилия, которые обуревали князя, когда он собственноручно лишал жизни своих подчиненных, сородичей, пользуясь тем, что в нем не распознали нежить. А когда распознали, было уже поздно, остатки гордой эльфийской кавалерии дома Серебряной Росы были выбиты подчистую. На поле остались проклятый, чуть помятая магичка и шесть измененных легионеров. И Азираэль.

— Поединок, проклятый! — крикнул Азираэль.

На что он надеялся, было неясно. На месте темного мага князь просто натравил бы легионеров, да убил помеху. Однако жнец решил поступить по-другому.

— Чего ты хочешь на самом деле, остроухий? — спросил маг, разглядывая эльфа с любопытством вивисектора.

— Свободы для князя, — спокойно ответил брат.

— Он уже мертв, древолюб, — прошипел жнец. — Все, что я могу — это отпустить его душу, и только. Но с чего мне это делать?

— Мне достаточно и этого, — злобно зыркнув на темного, невозмутимо ответил перворожденный. — Я готов договариваться. К тому же я следующий князь дома Серебряной

Росы.

— Сложи оружие и жди. Я позову легата. Говорить будешь с ним.

Дальнейшее бывший князь наблюдал как бы со стороны, чувствуя полное опустошение и какое-то липкое безразличие на душе. Довольно быстро битва была остановлена, перворожденные отошли на свои позиции и к остаткам правого фланга приблизились командование легиона с охраной. Не менее двух центурий слаженно оцепили место будущих переговоров. К новому князю присоединились пара выживших сенешалей и верховный друид дома. Переговоры длились несколько часов, и все это время Элирувиель без движения сидел на земле под бдительной охраной взявшей его команды. Сидел недалеко от стола с представителями обеих сторон, так что слышал все, но участвовать не мог. Да и не хотел. Для него все в любом случае кончено, и единственный вопрос, который волновал измученное испытаниями сознание — это судьба его посмертия, его души.

В какой-то момент медитативное состояние было разрушено появлением в кругу охраны бывшего князя мага в форме Корпуса Дознавателей. И тут перворожденный с горечью понял, что ему предстоит еще раз предать свой народ. Приказ жнеца, и вот пали ментальные блоки, которые Элирувиель снял сам, неспособный противостоять воле поработителя. Нужная информация рекой потекла из сознания немертвого эльфа, подчиняясь искусству дознавателя-менталиста. Забив знаниями небольшой сундучок с кристаллами памяти, дознаватель довольно кивнул жнецу, вытер испарину на лбу, и пошел по своим делам неуверенным шагом. А эльф остался один на один со своими мрачными раздумьями.

Переговоры завершились далеко за полночь. Удовлетворение просачивалось через аристократическую невозмутимость легата и высших офицеров. Сеанс связи с Императором так же прошел успешно. По итогам хуманы смогли выторговать за душу князя, хотя и не только за нее, выход дома Серебряной Росы из текущей интервенции, заключили пакт о ненападении и наложили на дом небольшую контрибуцию. В целом — терпимо, если бы требования не шли от грязных полуживотных. Однако здесь Высоким пришлось прижать свою спесь.

— Вообще-то у меня была другая идея, древолюб, — неожиданно прошипел жнец справа от Элирувиеля. — Я хотел тебя трансформировать. В нечто более ужасное, чем сейчас. А потом отправить в ваши сраные леса. Тебя бы не тронули ваши защитные контуры, ты ж князь, да. Ты бы прошелся частой гребенкой по вашим селищам, неся смерть и чуму. О, как бы это было здорово.

Жнец аж причмокнул от удовольствия, а вот разум бывшего князя наполнился леденящим ужасом.

— Я бы даже сознание тебе оставил, да, — доверительно продолжил жнец. — Но не судьба, болезный. Придется выполнять обязательства.

Жнец обошел эльфа, присел перед ним и приблизил свое бледное лицо к лицу собеседника.

— Только вот знаешь, в чем подвох? — проговорил маг так тихо, что его услышал только эльф. — Я-то тебя отпущу, слово дал как-никак. А вот Госпожа очень хочет с тобой пообщаться. Плотно так. Лет пятьдесят-сто.

Перворожденный мысленно обреченно взвыл, но наружу не прорвалось ни эмоции, ни звука.

— А там ей может и надоест. Как думаешь, листоухий?

С этими словами жнец, усмехнувшись, подал знак стерегущим легионерам, и те разошлись в стороны.

— Пора выполнять свою часть договора, egloth, — процедил Азираель, князь дома Серебряной Росы.

— О, как пожелаете, Высокий, — картинно поклонился темный маг и активировал посох. С тихим шелестом из застывшего в крике хрустального черепа вырвалось хищное туманное лезвие. Ловкий взмах, и мир перевернулся, постепенно угасая. Последнее, что услышал эльф, было обращенное к нему из темноты чувственное контральто:

— Заждалась я уже. Ну, здравствуй, древолюб.

Глава 9

Курт.

На долину возле Стены Скорби медленно опускалась легкая вечерняя прохлада. Тучи рассеялись, открывая чудесный вид. Косые лучи светила, медленно закатывающегося за обрыв, играли в ветвях деревьев, рисуя на земле замысловатые фигуры из света и тени. Легкий теплый ветерок играл листьями деревьев, создавая ненавязчивый шум. Природе не было дела до мелких проблем смертных, все шло своим чередом.

Возле весело потрескивающего костра на вершине холма царила задумчивая тишина. Люди молча отходили от развернувшейся перед ними картины битвы на месте, которое в последствии получило название Поле Крови. Никто не ожидал, что немногословный командир Теневых Стражей окажется таким талантливым рассказчиком, что события восьмилетней давности захватят всех без исключения.

— Так значит вы все — Теневые Стражи, — скорее утвердительно произнес священник. — И этим обусловлена та легкость, с которой вы справляетесь с нежитью?

— Ну да, — ответил Лад, внимательно ощупывая поврежденную недавно руку. — Дар Госпожи позволяет нам служить ей.

— А в трактире что было за представление? — поинтересовался Михей.

— А в трактире мы хотели узнать, наш жнец пришел в Драконий Клык или не наш, — пояснил Богша.

— Хм, — Михей помешал поленья костра палкой. — А просто спросить нельзя было?

— Мы воины, а не дипломаты, — очнулся от раздумий Слав. — Как умели, так и спросили.

— Так вы же с ним бились плечом к плечу, — вставил Зоран. — Не уж то не узнали?

— Ты ведь сам видел, Зоран, как нормальный вид жнеца отличается от его же вида в Тени, — вступил в беседу Горан. — На поле крови он не выходил из Тени вообще. А одежда у жнецов очень похожа. Вот и выясняли, есть ли у нас шанс в охоте на дракона или нет.

— Потому что без «своего» жнеца мы не можем использовать большую часть своих умений, — добавил Буян.

— А доспехи и оружие? Из чего они и откуда? — пытливый

ум Зорана не давал ему молчать.

— Получили от Госпожи в дар. Как выжившие, — покрутил практически зажившей рукой Лад. — Из кузниц в Тени. Самое эффективное оружие против нежити. Про материал сами не знаем.

— Могу ли и я удовлетворить свое любопытство? — поинтересовался Каин, и, дождавшись утвердительного кивка от Слава, продолжил. — Получается, что каждый из вас удостоился беседой с Тихой Госпожой?

— Верно, — ответил командир. — И каждый заключил Контракт.

— А она красивая? — спросил вдруг племянник Слава.

— Ее красоту сложно описать словами, — раздался голос жнеца в стороне от костра. — Но кто не видел Госпожу, тот о красоте вообще ничего не знает.

В жнеца уперлись взгляды всех сидевших вокруг костра собеседников. В основном ожидающие, хотя были там и тревога, и спокойствие, и любопытство, и даже примесь страха. Курт с посохом наперевес медленно подошел к костру, присел и взял оставленную для него порцию похлебки, сваренной Зораном. Попробовав пару ложек, он одобрительно хмыкнул, и продолжил насыщаться. Какое-то время все просто молчали. Первым не выдержал Радомир:

— Ну.

Курт с сожалением посмотрел в тарелку, прожевал очередную порцию еды и сказал:

— Госпожа требует жертву. Еще одну. Только так она сможет дать силу для боя с драконом.

— О! Ну что я говорил, — гнусненько усмехнулся тер Салазар, перелистнув страницу какого-то трактата, лежащего на его коленях. Курт наградил его тяжелым взглядом.

— Но у нас же нет еще одной некромантки, — растерянно сказал Зоран. — Где же мы будем жертву-то брать.

— Тут, если я не ошибаюсь, совершенно другая жертва нужна, — все с тем же выражением лица ответил граф. — Так, коллега по Искусству?

— Да. Верно, — Курт прожевал еще порцию похлебки. — Главное условие — жертва должна быть добровольной. Необязательные, но желательные — молодая девушка, не знавшая мужчины.

— Когда очнется тварь? — отец Радомир внимательно пригляделся в густую тень под Стеной Скорби.

— Примерно через час, — ответил жнец.

— Мы просто не успеем никого привезти сюда за такое

короткое время, — тихо проговорил Михей. — Не говоря о том, чтобы просто найти и уговорить. Будем искать жертву среди присутствующих?

— Я пас, — сразу отозвался граф.

— Да никто и не сомневался, граф, — презрительно скривился войт.

— Выбор то небольшой. Стражей и Курта нельзя, граф не хочет, — спокойно произнес священник. — Остаемся я, ты Михей и Зоран.

— Не нужно никого искать, — перебил открывшего для отповеди рот Зорана жнец, полощущий тарелку водой из фляги. — Госпожа сказала, что жертва уже в пути. К нужному времени будет здесь.

— Тоже Контракт? — поинтересовался тер Салазар.

— Скорее всего, — Курт поставил сполоснутую тарелку к ее товаркам.

— Как мы узнаем жертву? — полюбопытствовал Зоран.

— Обычно у них на щеке появляется изображение звездоцвета[38], - произнес священник. — Люди с таким изображением уже принадлежат Госпоже, и откупить их не удавалось ни разу.

— Попытки были? — тер Салазар отвлекся от фолианта.

— Были. Тихая Госпожа подходит к делу индивидуально, и не спрашивает мнения родственников и других, связанных с жертвой, людей, — вздохнул отец Радомир. — И всегда такие помехи заканчивались очень плохо. Для всех.

— Сюда движется фургон. Вроде из наших. Шахтерский? — вклинился в беседу Горан.

— Далековато, не видать, — покачал головой подошедший к следопыту Михей.

— Я вижу, — более остроглазый Богша прищурился. — Фургон шахтерский. И если не ошибаюсь, на козлах Стефан.

— Вот и наша молодая девушка, — хохотнул граф. — Держу пари, мужчину Стефан тоже не знавал.

Веселье графа никто не поддержал. Курт подал знак Стражам, и те стали не спеша навьючивать на себя снятые доспехи. Сам жнец остановился возле *жертвенной печати*, необходимо было преобразовать ее из принудительной формы ритуала в добровольную. Задача крайне непростая, изменить уже прошедшее инициацию начертание проблематично, проще новое создать. Однако если такой финт ушами удастся, то эффект от второго жертвоприношения будет в разы больше. Резонанс, да. Но Курт справится, зря что-ли звание мастера печатей носит. Курт еще раз окинул спутников взглядом. Воины деловито подгоняли

снаряжение, причем один из следопытов все время следил за дорогой. Тер Салазар спокойно читал, опершись спиной на валун. Поразительное самообладание. Михей тревожно вглядывался в фургон. Зоран делал то же, но с любопытством, а отец Радомир с фатализмом.

Курт, привычно подвесив посох над землей, присел над печатью, подогнув ноги под себя, и протянул руки вперед. Вокруг пальцев образовались маленькие *печати*. Из каждой *печати* вниз потянулись жгутики тьмы. Когда они достигли начертания на земле, то вгрызлись в рисунок, стирая одни участки и перерисовывая заново другие. Постепенно жертвенная печать стала преобразовываться в нужный жнецу вид. Но давалось это действие тяжело, шутка ли — управлять восемью потоками одновременно. Тем не менее закончил Курт ровно тогда, когда на холм уже заворачивал фургон, на козлах которого и в правду сидел Стефан. Шахтерский предводитель выглядел усталым и каким-то осунувшимся. И щеки у него были чистые, хоть и слегка небритые. Придержав пару тяжеловозов, бодро тащивших фургон, Стефан обвел верхушку холма печальным взглядом, нарочито стараясь не встречаться глазами со свежеиспеченными охотниками на драконов, особенно с Михеем. У Курта возникло тягостное предчувствие.

— Деда! — раздалось громкое из фургона, и рыжий ураганчик вылетел сквозь занавески полога, впечатавшись в растерянного войта. Стефан посмурнел еще больше и отвернулся, пряча повлажневшие глаза. На поляне, казалось, застыло время. На щеке Милы контрастно чернел цветок с острыми лепестками.

— Как… Почему… — Михей упал на колени, хватаясь за сердце. Осознание увиденного заставило лицо посереть, а из глаз исчезли все эмоции, оставив непередаваемую душевную муку.

— Деда, ты успокойся. Все же в порядке будет, — затараторила рыжая егоза, нарезая вокруг Михея круги. — Тетенька сказала, что все хорошо будет. Ну так она же правду сказала. Ну деда-а-а.

Курт ошеломленно смотрел на то, как неугомонная девчонка, ловко уворачиваясь от рук Зорана и Радомира, теребит войта, пытаясь его успокоить. Курт вообще не знал, что теперь делать. Нет, знал конечно, но такой подставы он от Госпожи не ожидал. Выбор был невелик: погибнуть всем или убить девочку, так напоминавшую ему родную доченьку. Да лучше бы никакого выбора не было вообще! Курт в сердцах сплюнул. Он уверен, что и войт понимает всю сложность ситуации. Вот переживет ли?

Рядом с Михеем, так, чтобы не маячить у него перед глазами, незаметно образовался Богша. Тер Салазар с легкой усмешкой

смотрел на происходящее, как будто увидел занимательный спектакль. Стефан мялся возле фургона. Отец Радомир и Зоран оказывали помощь войту. Один целительными печатями, другой пытался напоить войта успокоительным отваром из фляжки. Воины рассредоточились по холму. То тут, то там между взрослыми мелькала рыжая головка, вставляя язвительные комментарии и периодически пытаясь успокоить своего деда. Бесполезное занятие, как считал Курт. Да и не он один, судя по сочувствующим взглядам, бросаемым тайком всеми на потерянного Михея.

Именно этот момент выбрала костяная ящерица, чтобы вновь заявить о себе. Раздался приглушенный, но пробирающий до костей рык, оставляющий где то внутри липкий страх. Гора черных щупалец начала шевелиться, постепенно увеличивая амплитуду движения. Кое-где стали с неприятным треском возникать и медленно увеличиваться прорехи, через которые проглядывали мерзкие части дракона. Воины заняли позицию возле ближайшего к дракону края поляны, готовясь вступить в схватку. Рядом с ними встали священник и граф, разминая руки. Мила вдруг прекратила мельтешить, что-то серьезно сказала деду, чмокнула его в щеку и вывернувшись из пытавшихся удержать ее рук, понеслась к Курту. Дернувшийся следом войт был остановлен крепкой, закованной в дымчатую кольчугу, рукой Богши. Стефан потерянно опустился на землю рядом с другом.

Курт хмуро посмотрел на серьезную мордашку, внимательно оглядел звездолист и спросил:

— Зачем ты на это согласилась? Ты подумала…

— Тссс, — приложила палец к своим губам девчонка и без смеха посмотрела на жнеца. — У нас был честный обмен. Тетенька сказала, что ты знаешь, что надо делать.

Курт вздохнул, но для нотаций и в самом деле не было времени. Дракон скоро вырвется, и тогда все усилия пойдут прахом, а жертвами станут тысячи таких вот Мил.

— Ложись вот сюда. На спину, — Курт указал на преобразованную *печать*. — Руку сюда. А эту — вот на тот узел, ага. Вот так. Замри теперь.

Жнец присел рядом с девочкой и, решительно отодвинув все рефлексии в сторону, достал из сумки ритуальный нож. На лице девочки вместо ожидаемого страха или, хотя бы, опасения отразилось жгучее любопытство, вроде «какая интересная светящаяся штучка, можно мне, можно». Однако девочка с несвойственной для себя дисциплиной продолжала неподвижно лежать на *печати*. Курт занес нож и резко ударил…

Попытался ударить, однако застывший в высшей точке нож и

не думал никуда двигаться, словно воздух вокруг светящегося лезвия стал плотнее дерева. На груди Курта появились две изящные ухоженные руки, к спине прижалась упругая грудь. А на ухо жарко прошептали:

— Нехорошо это — маленьких девочек резать. Какие-то сомнительные у вас увлечения, мастер Курт.

Застывший в неудобном положении жнец покосился на рыжую егозу, а та улыбалась во весь щербатый рот. Посмотрел вокруг и увидел только густую тьму с какими-то неразличимыми силуэтами на фоне. Так и есть, они находились в Тени, достаточно глубоко.

— Госпожа, — с почтением в голосе отозвался Курт.

Руки с груди ускользнули за спину мага, Возвышенная отошла от скульптурной группы «жертвоприношение» и скомандовала:

— Отомри.

Фраза из детской игры произвела воистину магическое действие. Мышцы стали послушными и Курт осторожно отвел нож с траектории удара. Мила тут же подскочила и начала забрасывать Тихую Госпожу тысячей вопросов.

— Так ты все знала, Мила? — поинтересовался Курт.

— Конечно же. Мы с тетенькой еще раньше все придумали.

— Значит *якорь* среди нас, — сделал вывод жнец. — Среди тех, кто пошел на охоту. Каин, Радомир, Зоран или Стефан.

— Верно. Ты всегда был сообразительным. Однако там дело не только в *якоре*, все гораздо серьезнее и сложнее, — мягко ответила Госпожа. — Но все вопросы обсудим чуть позже. У меня тут для вас сюрприз.

— Куда уж больше-то? — проворчал Курт.

— Старый пень! — тут же окрестила рыжая зараза поведение жнеца.

— Будет вам, — чарующе рассмеялась Госпожа. — Тут к вам гости.

— Доченька! — донеслось откуда-то со стороны.

Мила неожиданно застыла и неуверенно повернулась на голос.

— Мама? — девочка во все глаза смотрела на молодую рыжеволосую женщину, за спиной которой стоял молодой крепкий мужчина, очень похожий на Михея. — Мамочка! Папка!

Девчонка понеслась навстречу потерянным родным и с визгом и слезами повисла на взрослых. Курт стыдливо отвел глаза, не хватало еще завидовать мелкой егозе. Своих родных он не видел уже двадцать пять лет, с тех пор, как их сожгли. Привычно загнав подступившую боль в глубины души жнец

поднялся, и повернулся к Госпоже. Нужно узнать, что Возвышенная планирует дальше. И в тот же миг его шея оказалась в кольце рук, в ноздри ударил знакомый аромат жасмина, а в шею тепло выдохнули:

— Любимый.

Не смея поверить происходящему, Курт ощутил, как его обняли еще и за пояс, на этот раз со словами:

— Папочка.

Сколько он так простоял, обнимая жену и дочь, наслаждаясь давно забытыми ощущениями покоя и любви, Курт вряд ли мог сказать. Что шептал, находясь в горячке бушующих эмоций и чувств, не вспомнит и на пытках. Но, несомненно, за последние годы этот момент его жизни был самым светлым, за что он мысленно благодарил Госпожу. Но все когда-нибудь заканчивается. И когда жена и дочь нехотя отстранились от своего мужчины, Курт тяжело вздохнул.

— Ты изменился, любимый, — ласково проведя по щеке Курта ладонью, произнесла Веселина. — Стал лучше, сильнее. Благороднее.

— Ты идеализируешь, родная, — смущенно улыбнулся Курт.

— Тебе пора идти. У тебя еще долг, — жена, прижавшись, поцеловала его в губы. — Госпожа сказала, что мы скоро сможем вновь увидеться.

— Пока, папочка, — шмыгнула носом Лана. — Будем тебя ждать, очень-очень.

Обе дорогие сердцу девушки отошли на пару шагов от Курта, и растворились в Тени.

— Я тоже буду ждать, — тихо прошептал Курт. — Как и всегда.

Еще немного постояв, жнец направился к мерцающей неподалеку *печати*, и когда это он от нее отойти успел, и стоящей возле нее Госпоже. Рядом с Госпожой сидела довольная, как обожравшийся сметаны кот, рыжая егоза.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Курт.

— Это был аванс, — мягко улыбнулась Возвышенная. — Теперь занимайте то положение, как были до попадания сюда.

Мила быстро улеглась на печать, а Курт, поправив ее руку, присел рядом, занес нож и застыл. Госпожа медленно обошла вокруг них, поправила положение Курта и хмыкнула, соглашаясь со своими мыслями.

— Ну а теперь слушайте, что я придумала.

Глава 10

Михей.

Есть люди, жизнь которых можно взять за образец благополучия. Она тянется, проходя ожидаемые вехи, плавно движется и не менее плавно завершается, обычно в окружении детей и внуков. Таких людей Михей назвал бы счастливыми, потому как с высоты прожитых лет начинаешь ценить размеренность и покой, стабильность. Есть люди, каждая минута жизни которых — испытание, погоняющее приключением. Насыщенность такой жизни обычно компенсируется малой продолжительностью. Но зато таким людям нескучно, хотя это сомнительное преимущество. У некоторых же людей раз в жизни, вполне размеренной и распланированной, случается перелом. Крутой разворот, после которого уже нельзя, невозможно жить как прежде. Все существование делится на до и после.

Для войта Драконьего Клыка такое событие произошло восемь лет назад. Тогда в небольшой, пограничный со Светлым Лесом, городок Зеленную Рощу пришел сотворенный друидами мор — эльфийская лихоманка. Люди гибли, истекая кровью на второй день после заражения. Маги были бессильны, слишком мало времени еще прошло с начала мора, а перенесших заразу — единицы. А на пятый день, на пик смертей, к городку подошел эльфийский экспедиционный корпус. Михей тогда находился в Тирге, по вызову из легиона. В Зеленой Роще от мора в это время погибли его жена, сноха и два старших внука. Сын присоединился к ним чуть позже, когда истощенный, с оружием в руках плечом к плечу с немногочисленными оставшимися в живых мужчинами прикрывал бегство выживших из городка, охваченным первыми аккордами Войны Листвы. Из всей семьи войта тогда только Мила выжила чудом, пережила мор и смогла добраться до ближайшей к Зеленой Роще заставы.

Михей смог встретить свою внучку только через месяц после тех событий. Тогда, сжимая в объятьях рыдающую девочку, он подумал, что жизнь его разделилась на две половины. И теперь нужно строить все заново, посвятив себя рыжей егозе. Но сегодня, когда он обессилено сидит на траве, прижатый Стражем, а недалеко от него угрюмый жнец готовит его единственный смысл жизни к жертвоприношению, Михей понял, что крутые повороты в его жизни еще не закончились. Вся беда была в том, что он ничего не мог сделать. Любой выбор Михея не устраивал от слова

совсем. Было бы время поразмыслить, взвесить все за и против, однако события уже сорвались в галоп, как пришпоренный конь, не давая ни минуты на раздумья.

Зашевелилась, затрещала сдерживаемыми путами костяная тварь. С торжествующим ревом помятый дракон стряхнул с себя последние ошметки черного вещества. Напряглись Теневые Стражи, натянулись тетивы, зашелестели клинки, доставаемые из ножен. Засветились руки у отца Радомира и графа. Охнул рядом Стефан. А Михей не мог оторвать потухшего взгляда от внучки и сидящего на коленях возле нее жнеца. Вот Курт вынул из сумки светящийся нож. Воздух прорезал очередной рев дракона, послышались звуки разрушаемых склепов — тварь торопилась на ужин. Нож резко взмыл вверх и, на мгновение, показавшееся войту вечностью, застыв в верхней точке, резко пошел вниз. Чтобы через секунду оказаться вонзенным по самую рукоять в грудь жнеца. *Печать* ярко полыхнула.

Ничего не понимающий Михей с растущим удивлением и робкой, еще только затеплившейся надеждой смотрел, как жнец с ножом в груди ловко подскочил, подхватил свой посох и быстрым шагом стал спускаться с холма навстречу немертвой твари. Действия Курта стали неожиданностью для всех. Люди собрались на склоне, чтобы не пропустить ни одной детали происходящего. Курт добрался до места боя потрошителей и Стражей одновременно с драконом. Несколько слетевших с правой руки Курта *печатей* угольно-черного цвета резко замедлили сопротивляющегося дракона. Лезвие косы воспламенилось черным огнем. И, когда нежить, сломав несколько удерживающих *печатей*, пригнула голову для атаки, подскочивший жнец вколотил черное лезвие косы между злобно горящих глаз. По позвонкам посоха в удерживаемую жнецом нежить стали вливаться волны тьмы. На какое-то время противники оказались равны, никто не мог пересилить другого. Но вот костяной дракон неуверенно рыкнул, переступил с лапы на лапу и беззвучно взорвался прахом. Когда пепельное облако опустилось к земле, стало видно, что Курт неподвижно сидит на коленях, опершись плечом на посох. Из груди все так же торчал ритуальный нож, невидящие глаза смотрели в землю. На губах застыла легкая улыбка. Жнец был мертв.

Михей с облегчением прижимал к себе всхлипывающую внучку и наблюдал, как Стражи осторожно поднимают своего господина на вершину холма. Аккуратно уложив тело и посох возле жертвенной печати, Теневые Стражи обнажили оружие и минуту стояли абсолютно молча, отдавая честь павшему соратнику. Потом так же молча приблизились к костру и

расселись вокруг. Как-то стихийно и у других возникло желание почтить память погибшего. Сначала возле Курта остановился отец Радомир, прочитал отходную, что-то тихо сказал и отошел в сторону. Затем мертвого мага посетил Зоран в компании со Стефаном. Сам Михей подходить не спешил. Он не винил жнеца в чуть не произошедшем жертвоприношении и был даже благодарен за то, что Курт разменял свою жизнь на жизнь рыжей. Но неприятный осадок на душе остался, и неизвестно, когда он еще раствориться.

Душевные метания прервала Мила, просто взяв деда за руку и потянув в сторону тела. Возле жнеца стоял тер Салазар, видимо тоже решил почтить память. Наверное в этом старом, сложном и противоречивом человеке еще осталось что-то хорошее, раз решил поучаствовать в охоте на нежить, да и к смерти Курта остался неравнодушным. Граф повернулся к подошедшим Михею с Милой и вежливо улыбнулся. В следующее мгновение войт почувствовал мощный удар по лицу. Кажется, он упал. Сквозь звон в ушах пробивались крики, в глазах все плыло. Получившее в этот день жесточайшие нагрузки старческое тело никак не могло оправиться от очередного потрясения.

— Михей. Михей! — теребил его кто-то. — Да очнись ты, задница морщинистая!

Войт с трудом сфокусировал взгляд на носу Стефана.

— Что происходит? — прохрипел Михей.

— О! Пришел в себя, пердун-легионер?

— Я тебя о другом спросил! — набирающим силу голосом произнес войт. — Где Мила?

— Хм, — замялся глава шахтерской артели и слегка отодвинулся, освобождая старому другу обзор. — Вон там.

Площадку над жертвенной печатью накрыл купол, похожий на тот, что защищал охотников от дракона еще днем. Под куполом же обнаружились Мила и граф. А так же труп жнеца. Мила лежала возле прозрачной, слегка мерцающей оболочки неподвижно, и лишь едва заметное дыхание позволяло понять, что девочка просто без сознания. Граф же совершал непонятные действия с печатью, нарисованной жнецом.

— Каин, что ты задумал? — пытался увещевать мага отец Радомир. — Отпусти девочку и давай поговорим спокойно.

— Да я и не нервничаю, святоша, — не отрываясь от своего занятия проговорил тер Салазар. — Но девочку отпустить не могу. Самому нужна.

— Да зачем тебе невинное дитя? — продолжал уговаривать священник. — Не доводи до греха.

Граф выпрямился, отвлекшись от своего занятия, и посмотрел

на Радомира.

— Ну и что вы мне сделаете, черноногие[39]? Камнями забросаете? — Каин ухмыльнулся. — Я практически ничего не делал — свеж как родник. Ты тоже ничего не можешь, потому что *Путь Праведника*[40] не конкурирует со стихийными печатями.

— Я тут не один, — грозно произнес отец Радомир, чем вызвал приступ издевательского хохота со стороны мага.

— Ты про этих что ли? — тер Салазар кивнул на Стражей и утер проступившие слезы. — Ну и что они могут без своего поводыря? А ничего. Сгорят раньше, чем я закончу.

— Вот сейчас и поглядим, свежий ты наш, — проговорил Лад, замахиваясь огромным молотом.

Удар получился что надо. Купол дрогнул, во все стороны брызнули молнии и побежали по поверхности щита. Граф инстинктивно отпрянул и выругался. А Лад, ничтоже сумняшеся, уже разгонял свое оружие для следующего удара. Следом за вторым ударом в щит впились пара стрел, потом еще. И вот уже все Стражи, войт и Стефан колотят прозрачную чашу, защищающую тер Салазара от расправы. Последним аргументом, заставившим мага предпринять какие-то действия, стали засветившиеся руки священника.

— Так значит! Мешать вздумали! — проорал граф, брызжа слюной. — Ну ничего, и на вас управа найдется.

Мерцающий щит мешал Михею четко рассмотреть, что там делает предатель. В общих чертах, граф вытащил какую-то листовидную безделушку из кармана, прошептал над ней что-то и сломал. Амулет еще не достиг земли, когда ее достиг сбитый с ног Богшей Михей. Там, где войт только что стоял в купол врезалась стрела. Эльфийская. Богша, тем временем уже добежал до отца Радомира, и отбил две стрелы клинком. Третья пробила плечо воина через сочленение в доспехе. Взревев, Теневой Страж ринулся в сторону невидимых пока стрелков. Развив невероятную скорость, Богша врубился в проявившуюся из воздуха, саженях в тридцати от стоянки, пятерку высоких воинов в маскировочных плащах. За какие-то мгновения Страж прошел строй эльфов насквозь, неся смерть остроухим воинам. Вывалившись из схватки с другой стороны воин обернулся, отсалютовал стоящим на холме товарищам и рассыпался прахом вместе с доспехами.

На миг над полем боя возникла тишина, обе стороны были ошарашены произошедшим, а затем Стражи выстроились ежом, умело оттеснив простых людей за спины. Священник отпустил *печать просветления*, и в высокой траве стали появляться фигуры оставшихся противников.

— Еще две дюжины, — Слав выстрелил.

Однако стрела была остановлена защитной печатью эльфа.

— Похоже мы нашли тех, кто помогал резать священников, — заключил Горан.

— Почему Богша погиб? — священник вновь зажег руки, явно занимаясь начертанием.

— Перегорел, — мрачно ответил молчаливый Ждан. — Жнец нас больше не поддерживает, за скорость и силу платим жизнями.

— К бою! — скомандовал Слав.

Однако боя как такового не получилось. Хотя все и были настроены биться до смерти, у листоухих были свои мысли на этот счет. И первые их смерти можно было списать только на неожиданность, видимо Высокие считали, что с гибелью жнеца Стражи превратятся в обычных воинов, хоть и чуть более быстрых и сильных. В итоге стражи были один за другим оглушены множественными заклинаниями и сноровисто спеленуты необычного вида лозой, не помогла щедро расходуемая жизненная энергия. А следом повязали и войта с товарищами. Всех их рассадили, а кое-кого и разложили, недалеко от купола графа, который, не обращая на окружающих внимания, менял *жертвенную печать* жнеца с помощью небольшого пирамидального артефакта.

— Сними щит, хуман, — процедил один из листоухих, подошедший к щиту вплотную.

— О! Кто нас почтил. Сам князь дома Серебряной Росы, — тер Салазар поклонился, но сарказм сочился не только в словах графа, но и в движениях. — Увы, но не смогу удовлетворить вашу высокую просьбу, князь Азираэль.

Михей вздрогнул, это тот эльф из рассказа Слава. Похоже ничего хорошего их не ждет.

— Ты не выполнил договор, хуман, — эльф презрительно скривился. — К чему эти потуги?

— Собственно, ничего не мешает мне заняться тем самым выполнением, — ответил Каин. — Кроме вас, пресветлый.

Последний титул граф произнес так, как будто сплюнул что-то гадкое. Эльф продолжал требовательно смотреть на дерзкого человечишку.

— Дракон развеян, некромант. Да и твой хлипкий щит нас не остановит.

— Разуй глаза, Высокий! — откровенно начал нарываться тер Салазар. — У меня тут труп жнеца, невинная дева и жертвенная печать!

— Лич, — сделал вывод из увиденного князь. — Очень неплохо. Даже лучше, чем костяной дракон. Что ж, если у тебя получится, считай что договор в силе. Работай, хуман.

— Мне понадобится время, жнец изменил свойства печати, — сбавив обороты, буркнул маг.

— Оно у тебя есть.

Листоухие рассредоточились по вершине холма. За пленниками осталась наблюдать всего лишь пара лучников. Да сам князь расположился неподалеку, просто сев на траву в позицию для медитации. И по мнению Михея, этого было больше чем достаточно для охраны пленников.

— За что хоть продал свой род, маг? — поинтересовался священник, покосившись на охрану. Однако Высокие даже острым ухом не повели, беседы полуживотных их не интересовали.

— Хм, — покосился граф на священника. — Не отстанешь же?

Отец Радомир отрицательно покачал головой.

— У нас договор с Высокими. Я им нежить, высшую. Они мне жизнь — долгую. И молодую, — тер Салазар поправил стекающие с пирамидки потоки оранжевого цвета и продолжил. — Довольно сложно пришлось. Сначала нужно было сделать так, чтобы меня без подозрений сунули в вашу или подобную дыру. И вот, последующие три года, я взращивал дракона. Нашел помощницу, создал потрошителей и настроил их охотиться на одиночек. Создал печать на Стене Скорби. Подселил туда зародыш *высшего*. Сцеживал ему силу, оставаясь с крохами. Три года! Три! И все для чего? Чтобы пришел сраный жнец, и раскатал все мои труды!

Граф в сердцах сплюнул. Вязкая слюна потекла по куполу, оставляя медленно исчезающий след.

— Да он вообще не должен был справиться с такой нежитью, — уже спокойнее продолжил тер Салазар. — Никто не должен был.

— Ох, как же мне тебя жалко, слов нет просто, — священник, видимо, пытался вывести графа из себя, но получалось так себе.

— А мне, пища ты для нежити, вообще неинтересны твои чувства, — граф выровнял поток света от артефакта. — У Высоких оказался товар, способный меня заинтересовать. У людей — нет. Что ж, тем хуже для последних.

— Им-то зачем нежить? — решил сменить тему отец Радомир.

— Очевидно же, — покосился Каин на князя, и, не увидев никакой реакции, продолжил. — Хотят взять реванш за Войну Листвы. Вряд ли мой проект единственный, но мне, само собой, не сообщили.

— Но ты же тоже презренный хуман? Тебя тоже не пощадят.

— На Таале не одна страна, и континент не один, — отмахнулся граф. — Ваши местечковые конфликты меня мало интересуют. Так же как и мои далекие родственники. Меня

интересую только я.

Все замолчали. Граф был занят печатью. Пленники выяснили, что хотели, и погрузились в тягостное ожидание. Эльфам вообще было ни до чего. Михей мысленно, в который раз уже за день, прощался с внучкой. Он же первый увидел, как та слегка шевельнулась, подсматривая через прищуренные ресницы. Михей открыл было рот, чтобы предупредить Милу, но запнулся о кашель священника. А посмотрев на отца Радомира, уловил отрицательное покачивание головой и закрыл рот. Однако вся их конспирация была грубо нарушена.

— Если тебя интересует, хуман, — произнес Азираэль, не меняя положения, и даже не открыв глаз. — То твоя невинная дева уже очнулась и что-то задумала.

Глава 11

Михей

Демонов остроухий, сделал гадость — на сердце радость. Каин резко развернулся, кидая в лежащую девочку *плеть воды*[41]. Вот только девочки на месте уже не было. Рыжая голова металась по всему куполу, ловко уворачиваясь от *печатей* графа, и умудряясь при этом его дразнить. Стрелы эльфов, которые пытались попасть по ногам юркой цели, остановил щит тер Салазара. Рыжая егоза, за маневрами которой с замиранием сердца следили все пленники, наконец оказалась рядом со жнецом. Одним движением девочка выдернула из груди Курта жертвенный нож, бесстрашно полоснула себя по ладони острейшим кончиком и, прижав сочащийся кровью порез к холодному лбу мертвеца, громко крикнула:

— Восстань!

Тут ее и накрыла очередная *плеть воды*, повалив спеленутую девочку на труп. Девчонка сдавленно охнула, немного повозилась, пытаясь освободиться, и затихла. Граф какое-то время постоял, подозрительно наблюдая за обездвиженной девчонкой и трупом жнеца, затем погасил приготовленную убойную *печать* и усмехнулся.

— Ну и на что ты надеялась, мелкая дура? — глумливо произнес он. — Вот так просто, без дара, без ритуала поднять нежить? Гуля смастерить хотела? Так не получится ничего.

Похоже графа от эмоционального напряжения последних часов, что называется, прорвало. Как иначе объяснить желание мага-аристократа попререкаться с маленькой девочкой.

— Ну что ты там мычишь? — спросил Каин и движением руки освободил рот девочки от *печати*.

— Старый гырх[42]! — ожесточенно отплевывалась Мила. — И с чего ты решил, что у меня не получилось, извращенец магический!

Тер Салазар уже хотел что-то ответить, когда мертвый жнец вдруг шевельнул рукой. Немного. Но графу хватило. Да что там, даже у Михея волосы встали дыбом, а по спине промаршировали крупные и многочисленные мураши. Мила торжествующе захохотала. Эльфы с любопытством повернулись в сторону купола, а князь с неудовольствием открыл глаза. Жнец шевельнулся более отчетливо и у Каина сдали нервы. Выскочив из-под купола маг метнул туда что-то убойное. Все пространство

под щитом заволокло мелкими, даже на вид бритвенно-острыми льдинками.

— *Ветер ножей*[43], - простонал рядом Радомир. — Это смерть в чистом виде, мясорубка.

Михей похолодел. Буря из льдинок, между тем, продолжала свою пляску. На последнем издыхании *печать* прорвала купол, и хоровод смертельных снежинок, не добравшись до пленников на полсажени, опал, открывая взору скрюченную темную фигуру. Вот оживший Курт поднял голову, и стали видны любопытные зеленые глазищи, сверкающие из под переплетения рук жнеца. А нет, не жнеца. Кожа существа, бывшего прежде Куртом, приобрела отчетливый землистый оттенок, в черных провалах глаз ярко мерцали две голодные ядовито-желтые искры.

— Daen gollor[44]! — мелодично закричал резко сменивший неудовольствие на страх князь. — Dager han[45]!

Несколько стрел рассыпалось прахом, чуть не долетев до новопризванного лича. В ответ мертвый маг, разинув усеянную мелкими игольчатыми зубами непропорционально огромную пасть, громко взвыл-завизжал. От невыносимо громкого звука, молотом ударившего по ушам, все на мгновение замерли. А лич, неприметно метнув девчонку в Радомира, вдруг возник около «левого» листоухого охранника, без обиняков насадив того на черное лезвие косы. Плоть эльфа, пройдясь противоестественными волнами, начала кусками сползать с костей, влажно шлепаясь на землю. Стрелы и заклинания лич просто игнорировал, развеивая их в полусажени от своего тела. Вот затихли вопли листоухого воина, последний кусок эльфийского мяса покинул антрацитово-черные кости. В пустых глазницах заполыхали багровые огоньки. С косы на землю соскользнул полноценный потрошитель, и первым делом кинулся ко второму охраннику. А лич, тем временем, устроил бойню, которая для Михея сложилась в отдельные картинки. Вот нежить разваливает эльфийского воина вертикально напополам. Вот лич отгрызает руку визжащему от боли перворожденному, совершенно игнорируя доспех. Вот мертвый жнец вонзает лезвие косы в лоб не успевшему защититься воину, а свободной рукой пробивает доспех его товарищу, напавшему со спины, и вырывает еще бьющееся сердце.

Михей сглотнул подступивший к горлу комок и отвлекся на приближающегося к ним потрошителя, попытался подползти к Миле, чтобы закрыть ее. С другой стороны то же действие пытался совершить обмотанный магической лозой отец Радомир. Потрошитель добрался до девочки быстрее, замахнулся глянцевыми когтями и срезал магические путы. Потом шустро

освободил остальных людей и ринулся на помощь своему хозяину. Михей, прижав к себе внучку и наскоро осмотрев ее, продолжил наблюдать за батальной сценой «перворожденные упокаивают лича». Получалось у эльфов плохо, ну не были перворожденные приучены биться с таким противником.

Сцена подходила к финалу. То тут, то там мерцали вспышки личных порталов, один из которых странно моргнул, столкнувшись с прилетевшей в момент активации неопознанной *печатью* лича. Два потрошителя теснили пару раненных листоухих, не давая им времени на побег. Еще один эльф, поднятый личем за шею на вытянутой руке, надсадно подвывая и хрипя, пытался ускользнуть от жуткой пасти. Лич, в свою очередь, развлекался тем, что пытался выкусить извивающемуся перворожденному лицо. Люди сгрудились в кучу, ощетинились оружием и молча наблюдали. Что-то поделать со сложившейся ситуацией было свыше человеческих сил и возможностей. Но, как оказалось, так думали не все. Как только потрошители приняли своих противников на когти, из под Михеевой подмыхи раздался звонкий голос рыжей засранки.

— Дядя Курт, а дядя Курт?! Хватит уже тупой нежитью притворяться! — и пока ее не успели заткнуть, продолжила. — Смотри, как ты насорил! Вот что бы тебе тетя Веселина сказала?!

«Дядя Курт» повернул голову в сторону сгрудившихся людей. Учитывая, что к людям он стоял спиной, картина стала еще сюрреалистичнее. Огоньки в глазах мигнули, огромная зубастая пасть стала медленно уменьшаться.

— Думаешь? — проговорил лич голосом Курта, когда его рот приобрел человеческие очертания. — А я только начал входить во вкус. Веселиться, да.

Лич осмотрел поле боя, одним движением сломал шею вопящему эльфу и брезгливо отбросил тело в сторону. Затем, отряхнув руки, растерянно улыбнулся, что в сочетании с окровавленными зубами выглядело жутковато, и добавил:

— И правда, — почесал он голову. — Грязновато получилось.

— Курт? — отец Радомир зажег на ладонях экзорцизм, и стал медленно приближаться к личу.

— Курт, Курт, — согласился со священником лич.

Мимо пронеслась Мила и повисла на шее у мертвого мага.

— Я так боялась, что ничего не получится, — с ходу затараторила она. — Так волновалась. Все думала что ничего-ничегошеньки не получилось.

— Но ты же мертв? — продолжал пытать лича священник.

— Мертвее не бывает, да, — лич вяло, но аккуратно, пытался оторвать от себя рыжую егозу.

— А как тогда…

— Радомир, хватит уже мяться. И погаси эту штуку, пока не прижег никого ненароком, — лич махнул рукой в сторону экзорцизма. — Тебе же пресветлый князь еще сказал, что перед тобой daen gollor. Ты уже настолько закоснел в неверии, что тебе даже глава эльфийского дома не авторитет?

— Мда, — священник погасил ладони и вытер испарину со лба. — Никогда бы не подумал, что буду вести мирную беседу с личем.

— А это ненадолго, — огорошил его Курт. — Незадолго после рассвета *Благословление Госпожи* спадет, и вот тогда у вас тут образуется самый настоящий лич. Безмозглый, злобный и голодный.

Михей оглянулся, незаметно наступили густые сумерки.

— Но тогда получается, что тебя…

— Нужно казнить, — завершил фразу Курт. — Причем до того момента, когда разум покинет это тело.

Курт махнул рукой, что-то показал, и Стражи стали споро стаскивать тела в кучу под холмом, недалеко от крайних склепов. Не забывая, впрочем, избавить эльфов от «лишних» вещей. Лич направил какую-то *печать* на вершину холма, и трава очистилась от крови и пыли, приобретя вид нехоженого луга с проплешиной *жертвенной печати*.

— Отдыхайте пока, — махнул в сторону кострища лич.

— А ты что будешь делать? — подозрительно поинтересовался священник.

— О! Да у меня гора планов на вечер, и часть ночи, — огоньки задорно полыхнули. — Хочешь присоединиться?

— Не откажусь, пожалуй, — отец Радомир не рискнул оставлять странного лича без внимания.

Пошел с ними и Михей, отправив в приказном порядке бурчащую Милу сначала к Зорану — ужинать, а потом в фургон — спать. Они спустились с холма, к куче мертвых эльфов. Жнец походя метнул в них *огненную печать*. Гора тел начала весело гореть, как будто была сложена из хорошо просушенных поленьев, распространяя мерзкий сладковатый запах. Рядом Курт уже расчистил часть травы, а потом нанес на очищенную поверхность знакомый рисунок.

— Еще жертвы? — поинтересовался отец Радомир. — Может хватит уже?

— Поверь, приор, — лич задумчиво оглядел *печать*, ища изъяны. — Эти жертвы тебе понравятся.

Священник неопределенно хмыкнул и решил подождать. Михей не стал влезать в разговор, да что уж там, откровенно

побаивался *высшего*. Из темноты в круг света, обеспечиваемый горящими эльфами, вошли оба потрошителя, таща на себе по тюку. Когда они свалили свою ношу возле людей, Михей с удивлением узнал в них Каина и Азираеля, обмотанных черными щупальцами. Оба были живы. Нежить вздернула кули вертикально.

— Слушаем волю Тихой Госпожи, — произнес лич. — Каин тер Салазар. За свое участие в делах, преследующих целью множественные смерти среди своих сородичей, за практику запрещенной некромантии приговаривается к ритуальному умершвлению и заключению в теневой крепости до тех пор, пока не искупит свою вину подходящим образом.

Священник удовлетворенно крякнул.

— Я так думаю, что перерождения тебе не видать, — усмехнулся жнец. — Но Госпожа иногда может и смилостивиться. Раз так в тысячу лет.

Кокон с графом обреченно заскулил.

— Теперь ты, — горящий взгляд лича уперся в лицо князя. — Тогда, на Поле Крови я отпустил тебя. Но ума, похоже, у тебя так и не добавилось. Госпожа решила, что судьба твоего брата, которой он избежал, будет для тебя наказанием.

— А что там прочила Госпожа его брату? — поинтересовался Михей.

— Превращение в вампира, — кокон с эльфом забился в руках потрошителей. — А потом отправим его в родные леса.

— Ого! Так они пока поймут, пока поймают, он там натворит дел, — потер ладони отец Радомир.

— Ну так на то и расчет, — согласно ответил Курт. — Я, наверное начну. А вот вам не стоит на такое смотреть. Тебе, Михей, пора спать. А заодно пошарь в тех кустах, найдешь одну рыжую наглую лисицу.

Михей хохотнул и, выудив из кустов упирающуюся девчонку, медленно пошел на вершину холма.

— Мне, я так полагаю, тоже задание есть? — поинтересовался священник.

— Просьба, — поправил его лич. — Подготовь, пожалуйста, большой ритуал изгнания.

— Будет сложно, но я сделаю, — священник развернулся и пошел следом за войтом.

Курт повернулся к пленникам.

— Ну что же, мои поросятки, теперь разберемся с вами, — Курт махнул посохом, и лича с пленниками накрыло звуконепроницаемым куполом.

Что там делал Курт с пленниками, Михей смотреть не стал.

Умотался настолько, что подгребя под бок квелую внучку, провалился в сон. Рано утром их разбудил Слав. Умывшись в бьющем недалече роднике, Михей и Мила отправились к товарищам, которые собрались на вершине холма возле *жертвенной печати*. На месте *печати* теперь располагалась другая. Большая, красивая, она светилась теплым солнечным светом. Посередине этой конструкции сидел на коленях Курт. Остальные стояли, не пересекая границу. Похоже войт с внучкой припозднились и все ждали только их.

— О, а вот и наш доблестный войт, — без тени насмешки произнес Курт. — И его отважная внучка.

— Что происходит? — поинтересовался Михей.

Внучка была подозрительно молчалива.

— Тихая Госпожа всегда награждает тех, кто ей служит, — Курт метнул Михею какой-то предмет.

Это оказалось зелье в красивой узорчатой стеклянной бутылке.

— Пей.

Что-то было такое в голосе жнеца, что войт не задумываясь открыл бутылку и в пару глотков осушил бутылку. Терпкий приятный вкус зелья сочетался с мягким фруктовым ароматом. Зелье ухнуло в желудок и оттуда разлилось теплом по всему телу. Михей зажмурился от удовольствия.

— Это была первая плата Каину от древолюбов, — ответил на вопросительный взгляд Курт. — Вечную жизнь он тебе не даст, а вот вторую — запросто, да. Мила теперь будет жить очень долго, будет кому за ней приглядеть.

— Что там с Милой? — отвлекся от ощущений войт, уловив имя обожаемой внучки.

— Как видишь, остролист не пропал. Недели через две в Драконий Клык прибудет Цветана Пламенная. Обговоришь с ней поступление Милы в ИАМИ[46], - и, глядя на поперхнувшегося слюной войта, добавил. — Она станет жницей, такова воля Тихой Госпожи. А посох ей в наследство.

Курт повернулся к Славу и кивнул.

— Пора. Прощайте. Я рад тому, что имел возможность познакомиться с вами.

Мила всхлипнула и горько, но тихо заплакала, уткнувшись носом в штанину Михея. Командир Стражей подошел к Курту и обнажил меч. Отец Радомир приложил руки к *печати,* и та засияла еще сильнее. Лич склонил голову. Слав замахнулся и с силой опустил клинок на подставленную шею. Как только голова лича отделилась от тела, все, что было недавно Куртом, опуталось плетьми света, выстрелившими из *печати*, и осыпалось

прахом. *Печать* вспыхнула и исчезла.

— Вот и все, — тяжело вздохнул Слав.

Отец Радомир затянул погребальную молитву уже во второй раз по одному и тому же человеку. Люди еще какое-то время молча постояли, и разошлись. Нужно было начинать собираться в дорогу. Дорогу домой.

Глава 12

Цветана.

Все началось с несвойственного для нее чувства. Какого-то непонятного, подспудного беспокойства, с которым она не смогла вовремя разобраться. Это предчувствие, теперь-то она понимала, что это и в самом деле было предчувствие, возникло почти сразу после расставания с Куртом в Белокамне[47]. Он отправлялся в Тирг, в академию. А перед тем хотел проехаться вдоль границы, уж больно нехорошие слухи появились недавно в тех краях. Пока еще не дошло до обращения в ближайшее расположение Magus Imperia[48], но предпосылки для проверки, хотя бы поверхностной, уже назрели. У самой Цветаны нашлись неотложные дела в гильдейском представительстве Белокамня.

Ее непосредственный начальник что-то знал и ждал от нее определенных действий. Потому первые дни по прибытию девушка оказалась просто завалена кипой крайне неотложных мелких дел, которые нужно решить еще вчера. А тяжелое предчувствие все нарастало, созревало под сердцем. Когда беспокойство набрало силу, и игнорировать его уже не получалось, Цветана решила разобраться, чем же оно вызвано. А связано это чувство оказалось с Куртом, что-то случилось с тем, кого она безответно любила уже прорву лет. Что-то плохое.

Пытаясь облегчить камень, лежащий давящим грузом на ее душе, девушка выделила из своего неожиданно сумасшедшего графика немного времени и отправилась в исповедальню ближайшей церкви Единого. Однако и здесь ей, против ожидания, помощь оказать не смогли. Свечи светили слишком ярко, священник повадками слишком походил на инквизитора, а в воздухе разливался какой-то смутно знакомый аромат. И только на полпути домой Цветана поняла, что ее пытались одурманить, потому как придумать другую причину для воскурения в церкви смолы серого лотоса[49] было сложно.

В тот миг Цветана почувствовала просветление. Все стало кристально ясно. Паранойя боевого мага взяла верх над здравым смыслом, но девушка и не хотела сопротивляться всепоглощающему чувству глобального подозрения. Она резко развернулась и, сбив с ног припозднившегося прохожего, побежала в сторону представительства гильдии. Пробежав по пустым темным коридорам, девушка вломилась в кабинет начальника. А там ее уже ждали. Сам нынешний начальник, имя

которого она все никак не могла запомнить, и давешний священник. От понимания, что ее вели с самого начала и горечи разбушевавшегося предчувствия, Повелительница Пламени впервые за многие годы не удержала контроль над даром. Цветану понесло, гори оно все истинным пламенем!

Здание спасти не смогли. К счастью, обошлось без жертв. Двое выживших в эпицентре огненной бури позаботились о людях, которые могли попасть под удар.

— Успокойтесь, леди, — научал ее начальник с нарочито спокойным видом. — Чего вы, в самом деле, разнервничались.

— Я разнервничалась? — в ярости прошипела девушка. — Да я просто в бешенстве!

Следом на магистра и инквизитора, а никто другой не смог бы выдержать буйства огненного дара чародейки уровня Повелителя, обрушились Плети Огня, Звездная Пыль, Эфирные Лезвия и, в кульминации, безобразных размеров Огненный Молот[50]. Истерика несчастной, обманутой и беззащитной девушки немного поутихла и она смогла услышать мольбы обманщиков, которые уже неделю водили ее за нос. Дескать, они не хотели. Дескать, у них приказ. Дескать, их защитные амулеты приказали долго жить. А жить очень хочется.

— Я хочу знать, что происходит! — девушка почувствовала, что опять впадает в неконтролируемое состояние.

Почувствовали это и оппоненты. Выкладывать секретную информацию посреди обгорелой площади было глупо, потому Цветана, поддавшись на уговоры, направилась вслед за своими провожатыми в церковь. По пути девушка постаралась взять себя в руки. Там они расположились в уютной гостиной, предваряющей гостевые покои инквизитора, стены которой разве что не звенели от защитных печатей. Устроившейся в удобном плетеном кресле девушке предложили успокаивающий отвар. Отказываться Цветана не стала, сейчас ей нужна была спокойная голова. Рассевшиеся напротив начальник и инквизитор немного помялись. Маг неуверенно посмотрел на священника.

— Пожалуй, будет лучше, если я развею тьму вашего невежества, — приятным баритоном пафосно начал инквизитор, и вопросительно посмотрел на девушку.

— И? Чего вы замолчали?! — Цветана поняла, что отвар действует слабее, чем хотелось бы.

— Что вы хотите узнать? — священник заерзал на стуле, так как глаза девушки стали мерцать отблесками пожара.

— Да вы же сами все прекрасно знаете! — выпалила девушка и сделала большой глоток из глиняной кружки. — Где Курт? Что с ним происходит? Почему вы отвлекаете меня от него?

— Магистр Курт Иней сейчас находится в окрестностях поселения Драконий Клык, — священник украдкой облегченно выдохнул. — Наши прозревшие увидели переломное для Империи событие. И магистр Иней должен был принять в нем непосредственное участие, чтобы событие имело возможность завершиться благополучно. Для Империи, конечно.

— То есть Курт может там умереть, так? — предчувствие превратилось в льдинку, морозящую ее сердце.

— Так и есть, — развел руками священник.

— Вы говорите так, как будто не знаете, что там происходит.

— Не знаю, — священник отрицательно покачал головой. — Магпочта заблокирована, а посланные гонцы пропадают. Оттуда тоже пока никто до нас не добрался. Но, нужно сказать, что мы уже четыре дня никого туда не посылали.

— Собираем ударный отряд, который отправится туда на днях, — вступил в разговор маг и, уловив злой взгляд девушки, торопливо добавил. — Само собой, вы включены в его состав, госпожа Цветана.

— Что произошло с гонцами и когда вы собираетесь отправляться? — взяв себя в руки, поинтересовалась девушка.

— Мы не знаем. Но они, с большой вероятностью, мертвы, — священник сделал паузу, глотнув из своей кружки отвара с толикой монастырского коньяка, судя по запаху. — Через два дня.

— Или мы отправляемся завтра утром, или я поеду одна, — поставила ультиматум Повелительница Пламени.

— Но мы не можем… — начал было маг и осекся, нервно посмотрев на пламенеющие ладони девушки.

— Завтра утром ждем вас возле северных ворот, госпожа Цветана, — завершил диалог священник.

Повелительница Пламени торопилась не просто так. Цветана и сама не могла сказать, когда влюбилась в этого молчаливого, временами угрюмого, мужчину. Когда с его семьей случилась трагедия, случилась по ее вине, хотя ее никто не винил, она просто решила поддержать новообращенного жнеца. Потом опекала его, скорее всего из чувства вины. Но как-то незаметно все переросло в любовь. Любовь безответную, так как Курт просто не видел в ней женщину. Справедливости ради надо сказать, что он вообще не смотрел на женщин, блюдя верность своей погибшей жене. Легче от этого не становилось, но Цветана решила, что будет опорой мрачному магу смерти и хотя бы так выразит свои чувства. Потому она и хотела оказаться возле него как можно скорее, и корила себя, что оставила его одного в тяжелое время.

Дальнейшие события пронеслись, как в тумане. Полночи

Цветана готовилась в дорогу, но много ли нужно собрать боевому магу? Оставшуюся часть девушка потратила на беспокойный сон. Еще не забрезжил рассвет, как она уже была возле северных ворот. В течение часа подтягивались сонные спутники, сплошь боевые маги и инквизиторы. Под конец появился крупный отряд наемников, численностью с центурию. И они, наконец, двинулись в путь.

Поздним утром третьего дня отряд выехал к подножию скалы, давшей название поселению Драконий Клык. Путь до городка был спокойным, не считая обнаружения тел двух гонцов с неясными ранами. Перед скалой обнаружилась площадь, которую сейчас мостила камнем дюжина рабочих. Возле поворота на городок активно строилось какое-то здание, по виду трактир. А в основании скалы парень в простой холщевой одежде увлеченно работал над статуей или фреской. Парень был очень талантлив, и далекая от завершения скульптурная композиция уже сейчас дышала жизнью и движением. На застывших людей смотрел трехсаженный жнец, готовый в любой момент пустить в ход смертоубийственную *печать*. Посох отведен в атакующей позиции. Правый сапог мага смерти попирает череп какой-то мерзкой твари, похожей на дракона. А из-за развивающегося плаща выглядывает маленькая девочка, размером в сажень-полторы.

— Работает день и ночь, даже спит здесь. Талантище, — раздался вдруг справа от Цветаны голос. — Но, на мой взгляд, сильно увлекается.

Девушка вздрогнула и резко повернулась на голос. Рядом с ее лошадью стоял молодой симпатичный мужчина, на поясе которого висел видавший виды гладиус. С другой стороны подъехал давешний инквизитор, командир отряда.

— Отец Иоанн. Инквизиция, — священник вопросительно посмотрел на подошедшего. — А вы?

— Михей. Войт Драконьего Клыка, — мужчина посмотрел на представительный отряд и продолжил. — Мы вас уже долго ждем. И вас, госпожа Цветана. Надо сказать, что Курт и Слав не смогли передать очарование вашей красоты.

Щеки Цветаны вспыхнули румянцем.

— Насколько я помню, войту Драконьего Клыка в этом году должен стукнуть шестьдесят второй год, — продолжил допытываться священник.

— Так и есть, — не стал отпираться странный войт. — Пойдемте, поговорим. Своих людей опустите с моим порученцем, о них позаботятся.

Отдав нужные распоряжения священник, в сопровождении

Цветаны, ее начальника, двух подручных и еще пары сотрудников Корпуса Дознавателей, прошел за войтом на первый этаж недостроенной таверны. Там за чистым накрытым столом завтракали воины и священник. Подождав, когда все рассядутся и представятся, войт начал рассказ о произошедших событиях. Кое-где его поправлял священник, назвавшийся отцом Радомиром. Иногда кто-нибудь из воинов вставлял ремарку в плавную речь Михея. Ударом в сердце для Цветаны прозвучала весть о смерти Курта. Глаза защипало и по лицу пролегли дорожки из слез. Девушка предавалась своему горю, не обращая внимания на происходящее вокруг. Она медленно поднялась из-за стола и побрела на улицу, к статуе. Туда, где нашел свое последнее пристанище ее любимый.

Сколько она простояла возле статуи, поглощенная своими чувствами, Цветана не знала. Когда слезы унесли часть печали, а девушка осознала себя всхлипывающей в мокрый от слез чужой кафтан, площадь уже была раскрашена закатными лучами светила. Неловко высвободившись из кольца крепких мужских рук, девушка достала платок и зеркальце и стала приводить себя в порядок.

— Ну вот и славно, девочка, — произнес Михей, отодвигаясь от чародейки. — Как ты себя чувствуешь? Полегчало?

— Спасибо, мастер Михей, — благодарно посмотрела на него Цветана. — Уже лучше.

— Я не просто так искал тебя, госпожа Цветана, — войт задумчиво посмотрел на статую и работающего паренька. — Зоран, спускайся уже, я тебе поснедать принес!

— Еще чуток, дядька Михей, — откликнулся со статуи скульптор.

— Сейчас Слава позову, — пригрозил войт.

— Да иду я уже. Иду, — торопливо спускаясь, ответил Зоран.

Видимо угроза действительно была серьезная.

— Так зачем ты меня искал, мастер Михей? — уже окончательно пришла в себя девушка.

— Да вот, тут такое дело… — замялся войт и вдруг гаркнул. — Мила!

Цветана вздрогнула. От стайки ребятишек к Михею метнулась рыжая молния. И только когда девочка приблизилась к быстро жующему скульптору, Цветана разглядела звездолист.

— К сожалению, я ничем не могу помочь, — Повелительница Пламени сокрушенно покачала головой. — Вам лучше исполнить волю Возвышенной, были прецеденты.

— А? — не понял ее войт. — А, вы об этом. Так я и собираюсь это сделать. Знакомьтесь — Мила, моя внучка. И преемница

Курта.

Пока Цветана пыталась прийти в себя от таких новостей, да рассматривала девочку магическим зрением, Михей продолжил:

— Курт просил вас позаботиться о ней, и проследить за ее поступлением в академию.

— Э-э-э… Да-да. Это не обсуждается. Вам помог бы любой маг, слишком мало жнецов в Империи, — рассеянно произнесла магиня.

— Вот это он передал в наследство внучке, — войт протянул какой-то продолговатый предмет, затянутый в чехол.

Цветана отвлеклась от девочки и взяла чехол в руки. Слегка распустила пару ремней и, увидев блеск хрустального черепа, горестно вздохнула.

— Теть, а ты правда была на Поле Крови?

— Правда, — отмахнулась от девочки Цветана.

— Теть, а почему жнецов мало? — не отставала мелкая егоза.

— Сложности инициации, — девушка снова стала погружаться в тоску, поглаживая на удивление послушный посох, принадлежавший ее Курту.

— Ну теть, — заныла рыжая. — Ну расскажи, ну ты же знаешь ведь.

— Инициация магов смерти происходит не так, как у стихийных, — похоже, проще ответить. — Стихийные инициируются в академии, касаясь проявления своей стихии.

Два любопытных изумруда продолжали сверлить ее лицо. Михей тоже заинтересовался.

— Тогда как жнец должен пережить какое-либо сильное потрясение, связанное со смертью. — Цветана печально вздохнула, понимая, какой следующий вопрос задаст Мила. — Обычно — со смертью близких.

— А у дяди Курта что произошло? — не разочаровала девочка.

— Курт родился и жил в Малом Доле, — начала Цветана.

— Это на границе с Вольными Баронствами? — задал вопрос смутно знакомый голос.

Девушка обернулась и увидела, что к ним подтянулись воины, сидевшие за столом в трактире, и отец Радомир. Даже скульптор не стремился уже немедленно возобновить работу. Воины были смутно знакомы. Не они ли выжили на Поле Крови? Точно — они.

— Дядька Слав, не перебивай! — шикнула на статного воина девчонка и тот послушался.

— Он там прожил всю жизнь, выучился на кузнеца, женился. Через какое-то время у него появилась дочь. Очень похожая на

тебя, Мила. — продолжила Цветана, все глубже погружаясь в неприятные для себя воспоминания. — Она была твоего возраста, когда Вольные баронства решили пощипать Империю.

Рассказывать о событиях пятнадцатилетней давности было тяжело, но девушка чувствовала, что это необходимо для нее, для Курта. Хотя бы так она почтит его память.

— Я тогда руководила разведывательной центурией. В деревне было спокойно, но все уже готовились к отражению возможной атаки. Мы вошли в деревню и стали искать местного проводника. Вызвался Курт. Он два дня водил нас по окрестностям, показывал удобные места для скрытых лагерей, дороги, подходы, да много чего. Вывел нас на стоянку баронских наемников, возле которой мы смогли положить пару их фуражных отрядов. А потом вернулись Малый Дол, а там…

Цветана нервно сглотнула, вспоминая разрушенную деревню, мечущихся людей и отряды наемников, бесчинствующих среди горящих зданий.

— На поселение напали наемники, довольно большой отряд. Они быстро сломили сопротивление, хотя и умылись кровью, — девушка глотнула отвара из фляги, благодарно кивнув Михею. — Курт тогда сразу побежал к своему дому, а нас ненадолго задержал вражеский сброд, попытавшийся организовать оборону. Когда мы догнали Курта, он застыл на коленях напротив горящего дома. Его дома. На крыльце лежали обугленные тела женщины и девочки. А вокруг Курта бродила дюжина наемников, насмехаясь над ним.

Цветана взглянула на безликую пока статую, мысленно прося прощения у погибшего возлюбленного. За то, что забрала его из деревни. За то, что не успела помочь. Вокруг стояли притихшие мужчины и девочка.

— Они уже собирались его прирезать, и мы не успевали вмешаться, когда из груди Курта ударили плети, сотканные из тьмы. Каждая плеть достигла цели и баронские выкормыши стали очень быстро гнить, — Цветана передернулась от отвращения. — Они очень громко орали, когда гнилая плоть пластами сползала с их тел. В итоге от них остались только вонючие лужи. А через какое-то время Курт поднялся, подошел ко мне и спокойно заявил, что ему нужно в академию. Что он теперь жнец. Вот и все.

Мужчины молчали. Цветана еще раз посмотрела на статую и повернулась к Михею.

— Через неделю проверяющие уедут. Я отправлюсь с ними. Постарайтесь за это время попрощаться с внучкой. Вы ее не увидите больше года, пока слушателей академии не отпустят на каникулы.

— Понятно. Уложимся в срок, — Михей задумчиво почесал затылок и вдруг спросил. — Могу я надеяться, что вы, госпожа Цветана, разделите со мной ужин?

Цветана посмотрела на красивое лицо смущенного войта, на по-доброму ухмыляющихся воинов, на расплывшуюся в озорной улыбке девочку. Хм, а почему бы и нет?

— Я подумаю, — заявила девушка.

Эпилог

Где-то, когда-то.

Утренний туман наделял дорогу волшебством и тайной. По краям смутно виднелись вековые сосны, стенами обрамляющие путь в неизвестность. В воздухе стоял густой запах хвои и свежести. В лесу приглушенно перекликались редкие птицы. Видимость на пару дюжин шагов не добавляла уверенности. Что ждет неосторожного путника в лениво текущих клубах плотного как кисель тумана? Или кто? Может сокровища, а может и недруг. Или ловушка. Или принцесса. Или страшный зверь. А может и ничего, просто продолжение дороги.

Как бы то ни было, размашисто шагающий по дороге мужчина вряд ли задавался такими вопросами. Слишком уж целеустремленно он шел, как будто знал, что ждет его там, за молочной пеленой. Еще пару часов обстановка вокруг никак не изменялась. Все тот же дремучий лес, все та же плотная кисея вокруг. Но вот неожиданно деревья раздались вширь, туман слегка поредел, и стало видно очертание какого-то строения. Путник удовлетворенно хмыкнул и направился к зданию. Не без труда найдя дверь, мужчина посмотрел на вывеску. Увидев на вывеске голову белого рогатого крокодила с оскаленными зубами и прочитав под ней «Смеющийся единорог», кивнул своим мыслям, машинально поправил сползший капюшон плаща и толкнул дверь.

Посетителей в зале было немного. Особо выделялась пара из огромного черноволосого воина в массивном белом матовом доспехе и его прекрасной беловолосой спутницы. Головы обоих украшали кошачьи уши, это слегка удивило путника, но он быстро отвлекся, оглядывая других посетителей и явно кого-то разыскивая. Было еще несколько ничем не примечательных посетителей, обычные люди в обычной одежде. Мужчина скинул капюшон, провел рукой, приглаживая каштановые с проседью волосы и тяжко вздохнул.

В это момент с лестницы, уходящей на верхние этажи, послышались шаги. В зал спускалась статная красивая женщина. Маленькая девочка, которую та держала за руку, вырвалась и быстро побежала к мужчине, заставляя посетителей оборачиваться на вопль:

— Папка! Ты вернулся!

Пока путник обнимался с девочкой, а посетители с

умилением наблюдали за картиной семейного счастья, к мужчине подошла женщина и обняла обоих.

— Здравствуй, любимый, — прошептала она. — Мы уже заждались тебя, Курт.

Конец.

Челябинск 2018.

notes

Примечания

1

Тень — «изнанка» мира.

2

Печать — сложная двух-, трех- и, в редком случае, четырехмерная конструкция из энергетических линий и рун праалфавита, которая, при подаче на контур заданного количества энергии, приобретает реальное воплощение, потребное магу.

3

Печать тлена — боевое умение жнеца.

4

Печать безвременья — применяется для сохранения чего-либо (например, продуктов питания).

5

Войт — глава поселения.

6

Клин — здесь традиционно сложившееся название структурной единицы имперского легиона. В состав клина входит от шести до двенадцати человек под командованием унтер-офицера в звании декатора.

7

Магпочта, или магосвязь — способ связи на дальние расстояния. Осуществляется между двумя магами при помощи стационарной связной печати.

8

Светлый Лес — государство эльфов.

9

Род тер Салазар — герцогский, однако Каин является третьим, ненаследным сыном герцога, в связи с чем носит дворянское звание на ранг ниже, не смотря на то, что в живых из своего поколения остался только он.

10

Контракт — профессиональный термин жнецов

11

Тихая Госпожа — одна из Возвышенных, ответственная за аспект смерти и Тень.

12

Мастер — здесь вежливое обращение к человеку на службе.

13

Магистр — ученая степень.

14

Приор — третий по власти сан Инквизиции.

15

Книжник — внутренний орден Инквизиции, занимающийся исследованиями и разработкой. Не являются воинами, в отличие от паладинов.

16

Прозревшие — внутренний орден Инквизиции, занимающийся прозрением будущего и анализом событий.

17

Очень неприличное гномье ругательство.

18

Еще более неприличное гномье ругательство.

19

Таал — мир.

20

Призрение — присмотр, содержание.

21

Гули — здесь так называемые «ожившие мертвецы», одна из разновидностей низшей (простейшей) нежити.

Теневые Стражи, как и жнецы, могут погружаться в Тень, увеличивая тем самым свою скорость, силу и реакцию. Однако, поскольку у них нет своего магического дара, вынуждены работать в связке со жнецом, который поддерживает Стражей силой своего источника.

23

Центур — офицер, командующий центурией.

24

Центурия — структурное подразделение легиона, состоящее из 60-120 легионеров.

25

Декатор — унтер-офицер, командующий клином.

26

Доминус — офицер, командующий когортой.

27

Пехотный легион содержит не только пехоту, но преимущественно.

28

Каре — построение квадратом.

29

Опцион — унтер-офицер, заместитель центура.

30

Древень — голем, представляющий собой «ожившее» дерево. Используются эльфами в качестве подразделений прорыва.

31

Имперский легат — временная должность, позволяющая легату командовать несколькими легионами одновременно.

32

Тирг — столица метрополии.

33

Сигна — жезл с изображением имперского орла, заменяющий знамена в легионе.

34

Лист — построение эльфийской кавалерии, отдаленно напоминает «свинью».

35

Харра — боевой клич легиона.

36

Аларии — структурное подразделение легиона, легкая кавалерия.

37

Magus — малая центурия (до 20 легионеров), состоящая из боевых магов.

38

Звездоцвет — здесь вид цветка, цветущего по ночам. Является символом Тихой Госпожи.

39

Черноногие — простолюдины.

40

Путь Праведника — собирательное название печатей, используемых одаренными священниками. Преимущественно включают в себя целительские начертания и экзорцизмы.

41

Плеть воды — печать стихии воды, которую можно использовать как для атаки, так и для обездвиживания цели.

42

Гырх — очень неприличное гномье ругательство, знать которое маленьким девочкам не положено.

43

Ветер ножей — печать на стыке стихии воды и воздуха, используется для нанесения тяжелых повреждений множественным целям.

44

Мертвый маг (эльф.)

45

Убейте его (эльф.)

Имперская Академия Магических Искусств.

47

Белокамень — административный центр имперской провинции Белоречье, на территории которой находится поселение Драконий Клык.

48

Magus Imperia — имперская гильдия магов.

49

Серый лотос — лекарственное растение, продукты которого обладают сильным обезболивающим и седативным действием.

50

Плети Огня, Звездная Пыль, Эфирные Лезвия, Огненный Молот — печати огненной стихии, предназначенные для уничтожения крупных воинских соединений.